

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему «Лингвостилевые репрезентанты антагонизма в современных
медиатекстах»

Студент(ка) Ю.Д. Шибанова

Научный
руководитель д-р. фил. наук,
проф. М.А. Венгранович

Допустить к защите

И.о. заведующего кафедрой канд.пед.наук, доцент
М.Г. Соколова

« _____ » _____ 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТАГОНИЗМА.....	9
1.1. Истоки семиотической оппозиции «СВОЙ - ЧУЖОЙ».....	9
1.2. Лингвистические понятия с семой «противоположность».....	15
1.3. Стилистические фигуры, основанные на антонимии.....	28
ГЛАВА 2. ЛИНГВОСТИЛЕВЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ АНТАГОНИЗМА В МЕДИАТЕКСТАХ РАЗЛИЧНОЙ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	32
2.1. Современный медиатекст как сфера проявления антагонизма.....	32
2.2. Лингвостилевые репрезентанты антагонизма в медиатекстах религиозной тематики.....	47
2.3. Лингвостилевые репрезентанты антагонизма в медиатекстах национально-этнической тематики.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	77
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	83

ВВЕДЕНИЕ

Современные медиатексты нередко становятся причиной разжигания религиозной, расовой, национальной вражды и возбуждения уголовных дел по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ («возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Это связано с острой потребностью самоидентификации личности в условиях глобализации, вытекающих из неё социальных факторов и непрерывном процессе развития информационных технологий и социальных коммуникаций. В данной ситуации СМИ и медиа играют главенствующую роль в формировании общественных взглядов, стереотипов, установок. Особенностью медиатекста (чаще всего являющегося креолизированным) является эмоциональность, экспрессивность, а также воздействие на адресата, соответственно в таком тексте используются различные приёмы и средства выразительности, позволяющие эксплицитно или имплицитно подчеркнуть различия между расами, национальностями, социальными группами, конфессиями, внушить адресату мысль об антагонизме и тем самым способствовать разжиганию вражды.

Для помощи в квалификации текстов на предмет экстремистского потенциала ученые-лингвокриминалисты разработали перечень высказываний, основанных на экстралингвистических признаках, характеризующих разжигание расовой, религиозной, национальной вражды, среди которых перечислены высказывания, основанные на несовместимости интересов, взглядов, целей представителей различных рас, религий или национальностей. Это такие признаки, как:

- утверждения об изначальной враждебности определенной нации, расы, религии по отношению к другой нации, расе, религии,
- утверждения о природном превосходстве одной нации, расы религии и неполноценности и порочности других,

- высказывания о полярной противоположности, антагонизме, принципиальной несовместимости интересов одной этнической, конфессиональной или социальной группы, по отношению к какой-либо другой [Стернин 2010: 6-7].

Однако данная проблематика остается актуальной для современной филологической науки в целом и экспертной деятельности – в частности, так как для выявления указанных нами выше высказываний необходимо выработать типологию лингвостилевых приемов и средств, с помощью которых создаются тексты ксенофобского характера. Этим объясняется **актуальность** выбранной нами темы исследования.

Методологической базой исследования послужили труды по общим и частным проблемам изучения функций и языка медийных текстов (работы М. Маклюэна, Ю.В. Рождественского, И.В. Анненковой, Т.Г. Добросклонской, Е.С. Кубряковой, И.В. Рогозиной, Ю.А. Домбровской и др.). Также были изучены труды В.В. Иванова, В.Н. Топорова, А.Н. Афанасьева, Н.И. Толстого, посвященные проблеме формирования языковой картины мира древних славян через семиотические оппозиции. Рассмотрены различные подходы к изучению взаимосвязи языка и мышления в трудах А.Б. Пеньковского, Ю.С. Степанова, О.В. Балясниковой, Т.Г. Грушевицкой и др. Кроме того, были изучены традиционные и современные подходы в рамках теории антонимии (работы В.Н. Комиссарова, В.М. Завьяловой, Л.А. Новикова, Н.Л. Соколовой, Дж. Лайонза, Н.Б. Боевой и др.). Анализ спорных текстов проводился с опорой на работы, выполненные в русле новой отрасли языкознания – юридической лингвистики, в частности труды посвященные, изучению языка вражды (И.А. Стернин, Н.Д. Голев, Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский и др.)

Объектом исследования являются современные конфликтогенные медиатексты религиозной, национальной, этнической и социальной тематики. **Предмет** исследования – лингвостилевые приемы и средства, несущие семантику антагонизма.

Цель работы - выявить и классифицировать лингвостилевые репрезентанты антагонизма в современных медиатекстах.

В связи с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

- 1) определить специфику формирования языковой картины мира через семантическую оппозицию СВОЙ-ЧУЖОЙ;
- 2) выявить лингвистические понятия с семой «противоположность»;
- 3) проанализировать функционирование лингвостилевых репрезентантов антагонизма в медиатекстах религиозной и национально-этнической тематики.
- 4) разработать классификацию лингвостилевых репрезентантов антагонизма, используемых в медиатекстах;
- 5) сформулировать и обосновать полученные выводы.

Материалом для исследования послужили статьи, опубликованные пользователями социальной сети «ВКонтакте», а также различных интернет-изданий.

Исследование проводилось с использованием различных **методов** лингвистического анализа (в частности, семантического, морфологического, синтаксического и контекстуального). Для решения поставленных задач использовались также методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста.

Гипотеза исследования – современные медиатексты, содержащие лингвостилевые репрезентанты антагонизма, в совокупности с другими экстралингвистическими факторами, приобретают экстремистский потенциал и способствуют разжиганию межнациональной и религиозной вражды.

Положения, выносимые на защиту:

1. Антагонистические отношения отражаются в языковой картине мира древних людей, в частности древних славян, и в современном массовом

сознании, реализуясь в противопоставлении СВОЙ-ЧУЖОЙ и иных оппозициях, связанных с ним синонимической связью.

2. Противопоставленность сравниваемых объектов, присущая антонимам и стилистическим фигурам, основанным на антонимии, и проявляющаяся в оппозициях «свой - чужой, другой», «друг-враг» и пр., которые семантически могут выражать антагонистические отношения, дает возможность рассматривать перечисленные нами выше лингвистические средства как языковые репрезентанты антагонизма.

3. Функции и дисфункции современных медиатекстов социальной, религиозной и национально-этнической направленности, формирующих в сознании массового адресата квазиреальность, провоцируют проявления антагонизма за счет использования лингвостилевых приемов и средств, основанных на противопоставленности.

4. Современные медиатексты, содержащие лингвостилевые репрезентанты антагонизма, приобретают экстремистский потенциал.

Научная новизна исследования состоит в обращении к малоизученной проблеме функционирования разноуровневых лингвостилевых средств и приемов, направленных на выражение антагонизма, в языке современных конфликтогенных медиатекстов (в аспекте проведения лингвистического экспертного исследования).

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет внести вклад в изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, присущих языку вражды и формирующих конфликтогенный потенциал текста, что является востребованным в настоящее время при проведении лингвистической экспертизы в рамках уголовных дел по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы работы могут быть использованы для разработки семинарских и

лекционных занятий в вузе по курсу «Юрислингвистика» и «Основы интерпретации спорных текстов» на факультетах гуманитарного профиля, а также в реальной практике проведения лингвистической экспертизы текста.

Представленная работа прошла **апробацию** на конференции Дни науки ТГУ (6 апреля 2017 г.) с последующей публикацией. Результаты проведенного исследования были обсуждены на круглом столе, посвященном теме «Конфликт и его роль в жизни общества». Основные положения магистерской диссертации также нашли свое отражение в двух научных статьях, опубликованных в журнале «Вестник науки» № 3-4 (3-4) 2016 г. (тема статьи: «Ксенофобский потенциал антитезы в языке современных медиатекстах») и № 1-2 (5-6) 2017 г. (тема статьи: «Антитеза как лингвостилевой прием выражения антагонизма в современных медиатекстах»).

Магистерская диссертация на тему **«Лингвостилевые репрезентанты антагонизма в современных медиатекстах»** состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются объект, предмет, цели, задачи, методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе *«Лингвистические основы исследования антагонизма»* рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся специфики антагонизма как формы общественных взаимоотношений, в рамках которых происходит самоидентификация личности по религиозному, национальному и социальному признакам. В параграфе 1.1. дается теоретическое обоснование наличия антагонизма в сознании носителей языка и его проявления через восприятие мира посредством семиотических оппозиций, в частности через противопоставленность СВОЙ-ЧУЖОЙ. Во втором параграфе главы осмысляются лингвистические понятия с семой «противоположность», такие как «антонимия» (лексическая, грамматическая, текстовая) и «антонимичность». Рассматриваются виды и функции антонимов. Параграф 1.3. посвящен

описанию стилистических фигур, построенных на антонимии: антитезы и формам её проявления. Описывается специфика функционирования антитезы на разных уровнях текста.

Вторая глава – *«Лингвостилевые формы проявления антагонизма в медиатекстах различной содержательной направленности»*. В первом параграфе рассматриваются особенности медиатекста и его функции. Во втором параграфе мы анализируем медиатексты религиозного характера с целью выявления и описания функционирования в них лингвостилевых репрезентантов антагонизма. Третий параграф посвящен анализу медиатекстов, в которых использование антитезы на разных уровнях отражает антагонистические отношения между представителями различных национальностей.

В Заключении мы приводим выводы, к которым пришли в результате проведенного исследования.

ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТАГОНИЗМА

1.1. Истоки семиотической оппозиции «СВОЙ - ЧУЖОЙ»

Понятие «антагонизм» не является собственно лингвистическим. Данный термин в основном используется в таких сферах, как биология, философия и культурология и описывает особый способ взаимоотношений. Антагонизм, как «одна из форм противоречий, характеризующаяся острой непримиримой борьбой враждующих сил, тенденций», осмыслялся в религиозных системах (борьба добра и зла), в философских учениях И. Канта, А. Шопенгауэра и др. В таком же значении этот термин применяется в биологии, математике (теория игр). Антагонистические отношения в рабовладельческой, феодальной, капиталистической формациях и в переходный период от капитализма к социализму анализировались в трудах К.Маркса и В. И. Ленина [БСЭ 1970: т.2, с. 48]. Существует расовый, национальный, социальный и индивидуальный антагонизм. Во всех случаях он описывается как состояние отношений, характеризующихся непримиримой борьбой, враждебностью, возникающих из противоположности интересов оппозиционных сторон.

Такое разностороннее изучение данного явления свидетельствует о том, что антагонистические отношения были изначально присущи социуму, а значит, не могли не отразиться в языковой картине мира как древнего, так и современного человека.

Ставший популярным в XX веке метод анализа бинарных оппозиций, лежащих в основе конструирования картины мира, показал, что самоидентификация индивидуума, осмысление его места в обществе происходило и происходит через выстраивание пространственно-временной модели - установление границ СВОЕГО и ЧУЖОГО. Истоки данной семиотической оппозиции можно найти в фольклоре как примере языкового проявления мифологического сознания этноса. Так, в трудах В.В. Иванова, В.Н. Топорова, А.Н. Афанасьева, Н.И. Толстого и др. анализируются

бинарные противопоставления СВОЙ-ЧУЖОЙ, ПРАВЫЙ-ЛЕВЫЙ, СВЕТЛЫЙ-ТЕМНЫЙ, БЕЛЫЙ-ЧЕРНЫЙ, МУЖСКОЙ-ЖЕНСКИЙ, САКРАЛЬНЫЙ – МИРСКОЙ, ХОРОШИЙ-ПЛОХОЙ и др., которые легли в основу конструирования языковой картины мира древних славян.

Противопоставление СВОЙ – ЧУЖОЙ в языке древних славян наиболее полно осмысливается Ивановым В.В. и Топоровым В.Н. в книге «Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)». Ученые выделяют три плана реализации данной оппозиции:

1) социальная интерпретация, когда понятие «свой» в отношении первого члена означает его принадлежность к данной социальной группе, тогда как «чужой» принадлежит иной социальной группе, а «чужое» понимается как всё то, что не является исключительным или преимущественным символом первой группы. Такого рода оппозиция реализуется в отношении к богам (Перун – «свой бог» для Владимировой дружины; Хорс (Хорсь жидовинь) – иранское божество). Кроме того, противопоставление СВОЙ-ЧУЖОЙ в социальном плане может рассматриваться как отражающее оппозицию двух частей одного социального коллектива. В этом случае, осмысление данной оппозиции осуществляется через ряд таких противопоставлений, как «мужской-женский», «старший-младший», в частности «посвященный – непосвященный» (в рамках оппозиции сакральный - мирской), «главный-неглавный», «свободный-несвободный».

2) Этническая интерпретация обосновывается включением в коллектив других этнических групп. Такого рода противопоставление «свой-чужой» реализуется при включении в пантеон «неславянских» богов, в героическом эпосе – при описании врагов данного коллектива (здесь же оппозиция «свой-чужой» проявляется в варианте «свободный-несвободный»). В разные исторические периоды «чужими» становятся татарин, кочевник, иногда в мифологическом образе Змея-Тугарина, Идолища, Соловья-разбойника в былинах. В сказках аналогичная роль отводится персонажам типа «царь

Некрещенный Лоб» с использованием позднейшего христианизированного варианта. В таком противопоставлении («христианин - нехристь», то есть принадлежащий к своей религиозно-ритуальной группе – принадлежащий к чужой религиозно-ритуальной группе) второй член обычно трактуется как полная отверженность от человеческого коллектива вообще. Так, Кощей представляется как олицетворение этнически чуждого начала, согласующегося с описанием его внешнего вида и возможной тюркской этимологией его имени [Иванов, Топоров 1965: 156-158].

Ученые также отмечают выражение данной оппозиции в формулах типа «пахнет русским духом», в более древней эпохе – формула «чую человечину», за которой кроется реализация оппозиции «свой-чужой» в двух вариантах: «человек-нечеловек», «живой-мертвый». В том числе в этнически-религиозном плане оппозиция «свой-чужой» отражена в обычаях и ритуалах, связанных с погребением. В них различается два вида смерти — «Своя-не своя», причем умерший не своей смертью приносит вред лююдям; два вида покойников — «свои» (принадлежащие коллективу) и «не свои» (иноверцы), которые трактуются так же, как умершие не своей смертью или вообще как нечисть.

3) Интерпретация «свой-чужой» в значении «принадлежащий к человеческому – принадлежащий к нечеловеческому, звериному, колдовскому». В этом случае «чужой» понимается как человеческо-животный гибрид (например, Чёрт с антропоморфными и зооморфными чертами) [Иванов, Топоров 1965: 159].

Отдельно следует выделить такой вариант оппозиции «свой-чужой», как противопоставление «близкий-далекий» в рамках пространственной интерпретации, особенно ярко выразившееся в ритуальных текстах (сочетания типа «чужая дальняя сторонushка» в русских плачах), и более конкретное «дом-лес (поле)», где «свое», связанное с «домом», понимается как «освоенное, чистое», а «чужое» - «неосвоенное, нечистое» [Иванов, Топоров 1965: 165-168].

Ученые отмечают, что все представленные оппозиции связаны синонимической связью, что позволяет опосредованно выявить связь оппозиции «свой-чужой» с рядом таких противопоставлений, как «счастье-несчастье, доля-недоля, положительное-отрицательное, светлый-темный, белый-черный и др.»

Однако кроме семиотического подхода к изучению противопоставления «свой-чужой» в архаической модели мира существует и аксиологический подход, который осмысляет данную оппозицию через противопоставление «хороший-плохой», в котором отрицательно оценивается все то, что принадлежит «чужому» миру. В языке также можно найти этому подтверждение.

Пеньковский А.Б. в своей работе «О семантической категории «чуждости» в русском языке» отмечает, что во всех славянских языках наблюдается общая специфика семантической структуры производных, которые образуют лексические гнезда с корнем чуж- / чужд-. Они представлены комплексом взаимосвязанных значений: «чужой»>«чуждый»>«враждебный»>«плохой». Например: др.-рус. чужий (щужий) «чужой», «чуждый», «злодей», «нечестивец», «отвратительный»; чужати «отвергать», чужати ся «свирепствовать» и др., старорус. чуждаться «гнушаться», «брезговать» [Пеньковский 1989: 55].

Кроме того, анализируя материал, охватывающий XIII–XIX вв., Пеньковский А.Б. обращает внимание на специфику структуры образов «своего» и «чужого» мира, в которых эти два мира представляются мифологическому и мифологизирующему сознанию. Он полагает, что «свой» мир мыслиться субъектом сознания и речи посредством имен собственных, называющих уникальные, индивидуальные, определенные в своей конкретности и известные в своей определенности дискретные объекты. Здесь нарицательные имена ведут себя как собственные, преобладают формы единственного числа со значением единичности, а формы множественного числа – там, где они необходимы, – используются в значении неоднородного

множества. «Чужой» же мир (в противопоставлении «своему») чужд и враждебен в этническом или хтоническом, в социальном или культурном, в религиозном и идеологическом отношениях (*инишнее царство, ненаша земля, неверия неверная, ... чужие край и поганая нехристь*). В «чужом» мире «нет дискретных объектов, и потому он воспринимается нерасчлененно – как речь на чужом языке... Чужие предметы и предметно воспринимаемые живые существа образуют единую в своей кишасей слитности враждебную массу, состоящую из кажущихся абсолютно тождественными единиц, носителей одного имени...», поэтому «чужой» мир состоит из форм множественного числа со значением однородного множества и нарицательных имен.¹

Таким образом, опираясь на изученный языковой материал, Пеньковский А.Б. выдвинул гипотезу о пейоративном отчуждении, основанном на генерализующем обобщении, в отношении «чужого» мира. Сущность такого отчуждения заключается в том, что «говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, ... исключает объект из своего культурного и / или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему... культуры, другого – чуждого – мира»².

Осмысление мира через бинарные оппозиции, задающие набор архетипических структур, характерно и для современного массового сознания, которое по своей сути отражает мифологическое сознание древних (эта мысль отражена в трудах таких ученых, как Н. Бор, В. Гейзенберг, Ю.М. Лотман, К.Левви-Стросс, В.П. Руднев, С.В. Маслова и др.). В связи с этим проблема изучения оппозиции «свой-чужой» и её проявление в языке и культуре остается актуальной.

Так, Ю.С. Степанов полагает, что «противопоставление СВОЙ-ЧУЖОЙ, в разных видах, охватывает всю культуру и является одним из

---

¹ Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М. : Языки славянской культуры, 2004 [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://readli.net/ocherki-po-russkoy-semantike/>.

² Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М. : Языки славянской культуры, 2004 [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://readli.net/ocherki-po-russkoy-semantike/>.

главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 472]. То есть концептуальная оппозиция «свой-чужой» является одной из базовых единиц языковой картины мира, в том числе русской, и, по мнению Балясниковой О.В., имеет свое выражение на разных уровнях языка: в семантике лексических единиц (враг, иностранец, пришлый и т.д.); в типичных сочетаниях, где взаимодействие семантики объединяющихся слов (синсеманτικότητα) делает одни синтагмы в языке нормативными (пришлый гость, чужой человек), а другие нетипичными (чужой друг); в семантике предложения – в относительном постоянстве смысловых акцентов (присутствие субъекта восприятия / оценки, объекта оценки, локализации в пространстве «своём» или «чужом»)³.

В теории межкультурной коммуникации компоненты оппозиции «свой-чужой» представлены рядом следующих значений: СВОЙ - принадлежащий себе, имеющий отношение к себе; собственный, составляющий что-то личное достояние; родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью; близкий, нашенский (прост.); ЧУЖОЙ - неместный, иностранный, находящийся за границами родной культуры; странный, необычный, контрастирующий с обычным и привычным окружением; незнакомый, неизвестный и недоступный для познания; чужой как сверхъестественный, всемогущий, перед которым человек бессилен; чужой как зловещий, несущий угрозу для жизни [Грушевицкая 2003: 141].

Таким образом, антагонистические отношения, проявляющиеся в языковой картине мира через оппозицию «свой-чужой», характерны как для мифологического сознания древних людей, так и для массового сознания современного человека. Оппозиция «свой-чужой» раскрывается через ряд

---

³ Балясникова О.В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дисс. канд. фил. наук: 10.02.19. Москва, 2003, с. 224 [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://search.rsl.ru/ru/record/01002338596>

других противопоставлений, в том числе имеющих положительную и отрицательную оценку, и может проявляться на всех уровнях языка.

1.2. Лингвистические понятия с семой «противоположность».

Одной из ключевых сем понятия «антагонизм», приведенного нами в первом параграфе, является сема «противоположность», которая содержится и в ряде собственно лингвистических понятий. Особое место в системе языка занимает антонимия, при определении которой центральным является понятие противоположности.

1. *Противоположность и противопоставленность в антонимии*

Антонимия изучалась многими лингвистами (Апресян Ю.Д., Комиссаров В.Н., Иванова В.А., Завьялова В.М., Москвин В.П., Новиков Л.А., Пестова М.С., Соколова Н.Л. и др.). В словаре Сковородникова А.П. дается следующее определение термина «антонимы» и описывается явление антонимии: «Антонимы (от греч. *Anti* - против и *онума* - имя) - слова одной части речи, имеющие противоположные значения. Явление антонимии в языке обусловлено свойственным человеку восприятием действительности во всей противоречивой сложности» [Сковородников 2011: 54].

Соколова Н.Л. отмечает, что специфика функционирования антонимов заключается в том, что противоположность значений, которую они реализуют, «представляет собой крайнюю степень противопоставленности, когда оппозиция сужается до бинарности, то есть когда каждая из противоположных сторон представлена одним членом» [цит. по: Боева, 2001: 48].

В след за ней Завьялова В.М. рассматривает антонимы как «слова, связанные отношением противоположности и выражающие своим значением эти противоположности» [Завьялова 1969: 3].

Многие лингвисты придерживаются мнения, что понятия «противоположность» и «противопоставленность» тождественны, а значит, любые слова, противопоставленные в речи, можно отнести к антонимам.

Не разделяет данную точку зрения Введенская Л.А., указывая, что при таком понимании антонимии происходит неоправданное расширение данного понятия: «...тогда в языке не будет двух слов, которые не могли бы стать антонимами» [Введенская 1995: с. 20]. В связи с этим необходимо разграничивать «противоположность» и «противопоставленность», что и делает Корюкина Е.С., относя противоположность к категориальным признакам антонимии, а противопоставленность - к типу отношений, в которые могут вступать антонимы наряду с другими языковыми знаками в речи [Корюкина 2014: 13].

Компоненты антонимической оппозиции обладают противоположными значениями, которые могут быть выявлены при помощи метода семного анализа. Данный метод сводится к выделению сем и описанию их значений как упорядоченной совокупности сем, то есть компонентов значения, которые отражают отдельный признак предмета номинации [Стернин, Соломатина 2011: 5].

Существует ряд условий, позволяющих отнести ту или иную оппозицию к антонимической (отсутствие какого-либо из этих условий делает невозможным определение оппозиции как антонимической):

1. В структурах значений обоих членов антонимической оппозиции должны присутствовать общие семы (их наличие «является показателем семантической общности членов и выступает основанием для сравнения» [Боева, 2001: 46]), а также по одной дифференциальной семе.

2. Дифференциальные семы должны передавать предельное, кардинальное различие оппозиционных членов по общему и самому существенному признаку [Львов 1984: 20; Новиков 1998: 28].

3. Также выделяются грамматический и функциональный критерии антонимичности, которые соответственно проявляются в принадлежности членов оппозиции к одной и той же части речи и в наличии одинаковой стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске.

4. Помимо вышеуказанных признаков, существует синтагматический (речевой) критерий - регулярная совместная воспроизводимость антонимов в речи, благодаря которой в сознании носителей языка возникают ассоциации по контрасту. Однако данный признак нельзя назвать универсальным.

2. Понятие антонимичности

Единицы, которые способны вступать в антонимические отношения и иметь противоположное значение, обладают антонимичностью. Это особая характеристика лексического значения, заключающаяся в специфически языковом отражении различий и противоречий предметов и явлений объективного мира [Новиков 1982: 250].

Важную роль в актуализации (усилении) антонимичности играет контекст. Так, Комиссаров В.Н. ввел в теорию антонимии понятие «антонимические контексты» (то же, что «антонимические биномы» у Унуковича В.В. [Унукович 1986: 51]). Данные термины называют типовые синтаксические конструкции, в которых антонимы употребляются совместно и соединяются различными союзами, реализующими семантические отношения между ними [Комиссаров 1961: 71-91].

Боева-Омелечко Н.Б., указывая на различные семантические отношения и средства их связи выделяет антонимические биномы соединения противоположностей, альтернативы, сравнения, отождествления, взаимоисключения и противопоставления [Боева-Омелечко 2013: 63-65].

Следует отметить, что в антонимических биномах альтернативы, взаимоисключения и противопоставления противоположностей будет дополнительно усиливаться контраст.

Контраст лежит в основе явления антонимии как стилистическая категория, имеющая лексико-семантическую основу и заключающаяся в резко выраженной противопоставленности. Контраст используется в тексте с целью создания определенного стилистического эффекта. По мнению многих ученых, именно слова-антонимы являются основным средством воплощения

контраста. Корюкина Е.С. отмечает, что «в результате «столкновения» антонимов в тексте у адресата возникает впечатление, позволяющее сформировать представление о различии предметов, образов, понятий» (Корюкина Е.С. Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания. – с. 84).

Кроме того, многие исследователи отмечают, что актуализации антонимичности также служат такие средства, как синтаксический параллелизм, повтор антонимических оппозиций, совместное употребление нескольких антонимических оппозиций, а также их пунктуационное выделение.

3. Функции антонимов

Анализируя функции антонимов в тексте, ученые выделяют в первую очередь стилистические и текстообразующие.

Соколова Н.Л. к стилистическим функциям антонимов относит создание резкого контраста, эмфатического объединения, контрастного сравнения и эффекта парадоксальности [Соколова 1977: 67-68].

Некоторые ученые проводят параллель между стилистическими функциями антонимов и стилистическими фигурами речи и тропами при реализации эстетической функции языка [Львов 1984: 24].

Голуб И.Б. считает, основной стилистической функцией антонимов выражение на лексическом уровне антитезы, а также создание оксюморона, антифразиса, комической антитезы и приёма, состоящего в отрицании контрастных признаков у предмета [Голуб 1997: 35-37].

Новиков Л.А., анализируя использование антонимов в специфических контекстах, указывает на их семантические функции: 1) передача охвата всего класса предметов, явлений, качеств, свойств, разделённых на противоположности (Голуб И.Б. относит данную функцию к стилистическим); 2) контрастное сопоставление; 3) выражение последовательности фактов; 3) разделительная и разделительно-соединительная дизъюнкция; 4) превращение одной противоположности в

другую (их отождествления); 5) соединение (сложение) противоположностей [Новиков 1982: 247-249].

Также в рамках художественного произведения выделяется информационная функция антонимов, при условии их участия в раскрытии сюжета, и экспрессивная функция, заключающаяся в усилении выразительности речи, то есть воздействия на адресата [Боева-Омелечко 2015: 247].

В современной науке также существует ряд исследований, где функции антонимов выделяются в соответствии с жанром текста или дискурса, в рамках которых они используются.

Например, Ващенко Е.А., анализируя психологический и психотерапевтический дискурсы, учитывает воздействующую силу антонимов и в связи с этим выделяет следующие функции: 1) оценочно-трансформационную, служащую для формирования негативного отношения реципиента к тому, что он считает позитивным; 2) коррекционную, с помощью которой осуществляется побуждение к изменению в рамках привычки, вместо полного отказа от неё; 3) модально-трансформационную, создающую в сознании реципиента убежденность в возможности осуществления того, что он считал невозможным; 4) функцию изменения угла зрения, демонстрирующую ситуации с позиций оппонента с целью принятия неизбежности различий; 5) компенсаторную функцию, позволяющую заменить негативные представления о ситуации на позитивные, возможные в будущем» [Ващенко 2016: 8].

Антонимы также могут выполнять текстообразующую функцию, то есть организовывать текст в систему, реализовывать цельность, связность и завершённость текста. Данную функцию антонимов анализировали в диссертационных работах К. Цзин и Я. Бо. Последний отметил, что в рамках художественного и научного дискурса антонимия выполняет разные текстообразующие и стилистические функции: «в художественной речи антонимия является одним из элементов в общей системе образных

средств», а в научной – «используется прежде всего для уяснения сути явлений и служит для логической организации изложения»⁴

4.Лексическая, грамматическая и текстовая антонимия

В наше время появились лингвистические исследования, которые рассматривают антонимию не только как лексическое явление. Ряд ученых-лингвистов выделяет также грамматическую и текстовую антонимию. Охарактеризуем каждый из этих видов подробнее.

Новиков Л.А. характеризует лексическую антонимию как «семантическое отношение противоположных значений, выражаемых формально различными словами, которые реализуют в тексте функцию противопоставления и другие связанные с ней функции» [Новиков 1982: 247].

Боева Н.Б. уточняет данное определение, учитывая экстралингвистический фактор реализации антонимии в рамках психолингвистического подхода: «антонимы — это полнозначные слова с противоположными лексическими значениями, обозначающие предельно различающиеся и ассоциативно взаимосвязанные с точки зрения носителей определённого языка односущностные экстралингвистические реалии» [Боева 2000: с. 25].

На данный момент в науке существует несколько классификаций лексических антонимов, в основе которых лежат разные критерии.

Дж. Лайонз выделял три вида лексических антонимов по типу передаваемой противоположности: комплементарные, собственно антонимы и конверсивы [Лайонз 1978: 296-298]. Позднее Новиков Л.А. дополнил и уточнил данную классификацию, выделив следующие виды антонимов:

1. Контрарные (градуальные) антонимы, передающие качественную противоположность (*прекрасный – безобразный; верх – низ*).

---

⁴ Бо Я. Функции антонимии в художественной и научной речи. – М., 2004. – 20 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/funktsii-antonimii-v-hudozhestvennoy-i-nauchnoy-rechi>

2. Контрадикторные антонимы, передающие комплементарную противоположность (*женатый - холостой; живой - мертвый*).

3. Векторные антонимы, передающие противоположную направленность свойств, признаков, действий (*входить - выходить; атака - контратака*).

4. Конверсивные антонимы, выражающие противоположные стороны какого-либо процесса или отношения (*выигрывать - проигрывать; предшественник - последователь*) [Новиков 1984: 5-29].

Степень антонимичности легла в основу классификации системных лексических антонимов в работах Львова М.Р., Ивановой В.А., Соколовой Н.Л. Рассматривая антонимы по принципу их размещения на шкале какого-либо признака в отношении её нулевой (нейтральной точки), они выделили полные антонимы, обладающие предельной степенью противоположности (равноудаленные от нейтральной и располагающиеся на крайних точках шкалы), и неполные, характеризующиеся ослабленной степенью противоположности (такие оппозиционные члены расположены ассиметрично по отношению к нейтральной точке шкалы, т.е. имеют различия в эмоционально-экспрессивной окраске или в сфере употребления). «Полные» и «неполные» антонимы также соответственно обозначаются, как «симметричные» и «асимметричные» [Львов 1972: 307-311; Иванова 1982: 28-30; Соколова 1977: 9].

Из вышесказанного следует, что предельно расположенные на шкале (симметричные) антонимы, относящиеся к одинаковой сфере употребления и имеющие одинаковую эмоционально-экспрессивную окраску имеют еще один признак - взаимозаменяемость.

Если в рамках предложения заменить один из членов антонимической оппозиции другим, то значение всего предложения изменится на прямо противоположное. Например, *Это хороший поступок./ Это плохой поступок*. В данном случае антонимы «хороший-плохой» являются полными.

Если при взаимозамене антонимов значение всего высказывания не становится предельно противоположным, то это неполные антонимы. Например: *Это хороший поступок. / Это отвратительный поступок.* В данном примере антонимы отличаются оттенками значений, то есть являются неполными.

Кроме того, вне зависимости от контекста полные антонимы, в отличие от неполных, четко и однозначно осознаются как антонимы, так как чаще употребляются в речи. Они также способны сохранять значение противоположности, участвуя в словообразовательном процессе (прил. мягкий – твердый; гл. смягчиться - затвердеть).

Также полные антонимы способны сохранять антонимичность во всех или в нескольких значениях.

Существует также классификация лексических антонимов по признаку закреплённости в системе языка. Выделяются языковые (то же, что узусальные, системные) и речевые (то же, что индивидуально-авторские, окказиональные, контекстуальные) лексические антонимы.

Системные оппозиции мыслятся как антонимы только в системе языка, вне речи и контекста, и фиксируются в словарях антонимов. В свою очередь окказиональные антонимы характеризуются в теории антонимии как слова, которые в системе языка не обладают противоположными значениями, но приобретают их и воспринимаются как противоположные благодаря всему строю высказывания, то есть антонимичность таких единиц актуализирует только контекст.

Некоторые лингвисты полагают, что подобные единицы нельзя назвать антонимами. Шмелёв Д.Н., например, определяет их как «контекстно противопоставляемые слова» [Шмелёв 1977: 207]. Лингвисты Милютин М.Г. и Кашицына Е.Г. считают, что подобные оппозиции - не собственно антонимы, а слова, подвергнутые приёму антонимизации и намеренному сталкиванию [Кашицына, Милютин 2012: 128-129].

Однако большинство ученых имеют другую точку зрения. Введенская Л.А. употребляет термины «контекстуальная» и «окказиональная антонимия», «индивидуально-стилистическая антонимия», «авторская антонимия», а также «индивидуально-авторские образования» и считает их взаимозаменяемыми [Введенская 1995: 505-506]. Львов М.Р. подчеркивает художественность таких оппозиций, используя термин «индивидуально-стилистические антонимы» [Львов 1970: 75].

Таким образом, все указанные выше термины описывают явление, при котором слова осознаются как противоположные только в определённом контексте, то есть их использование окказионально. Данные оппозиции не зафиксированы в словарях антонимов, так как в рамках языковой системы таковыми не являются. В аспекте речевого воздействия отмечается прагматический характер контекстуальных антонимических противопоставлений, которые базируются на выделении параметров, актуальных для той или иной сферы социального опыта, и во много определяются социокультурными стереотипами, способными меняться с течением времени, а также идеологическими и иными изменениями, происходящими в обществе [Иссерс 2013: 130-131]

Учёные выделяют следующие свойства контекстуальных антонимов:

1. Наличие противоположных значений, возникающих в конкретном словесном окружении и не противопоставляющихся вне контекста.

Исходя из этого, выделяются специфические контексты, которые способствуют реализации окказиональных антонимов. Наиболее распространенными контекстами являются те, что построены с помощью параллельных конструкций, и микроконтексты со словами, соединенными отрицательной частицей НЕ (иногда вместе с противительным союзом НО) [Соколова 1977: 63].

2. Семантическая соотнесённость контекстуальных антонимов с системными (языковыми). «Окказиональные антонимы обязательно должны соотноситься с узувальными антонимами, ибо в их значении на

первый план выступают признаки, которые свойственны понятиям, выраженным антонимами языка» [Введенская 1995: 30].

Ученые отмечают, что противопоставление контекстуальных антонимов возникает с помощью тех же сем, что и у языковых, но в последних эти семы являются центральными, а у контекстуальных антонимов – периферийными. Попадая в определенный контекст, периферийные семы становятся центральными и составляют основу противопоставления. Отсюда вытекает следующий признак.

3. По первичным функциям в языке контекстуальные антонимы относятся к различным тематическим группам, но благодаря вторичным функциям, обусловленным речью, они входят в общую тематическую группу [Новиков 1966: 85].

Частое употребление контекстуальных антонимов объясняется учеными «ограниченностью языковой антонимии» [Введенская 1995: 508], не всегда в полной мере удовлетворяющей коммуникативную потребность говорящего, то есть не позволяющей выразить мысль полно и точно. Разнообразие предметов и явлений окружающей действительности, их характеристик и признаков не укладывается в рамки собственно языковой антонимии. Кроме того, возникновению контекстуальных антонимов способствует стилистическая предопределенность и наличие готовых словообразовательных моделей, по которым они формируются [Введенская 1995: 508-509].

Боева-Омелечко Н.Б. выделила следующие словообразовательные модели контекстуальных антонимов [Боева-Омелечко 2008: 163-171]:

- Образование контекстуальных антонимов, в значении которых противопоставляются центральные для системных антонимов семы и относящиеся периферийно к собственно контекстуальным. Данная модель используется в том случае, когда авторская противопоставленность концептов совпадает с традиционной противопоставленностью для данного

языкового коллектива (*Его замороженная неподвижность превратилась в действие*).

- Вторая модель реализуется, когда противопоставленные автором концепты связаны в сознании носителей языка ассоциациями по смежности, а не по противоположности (*Любовь – брак по расчету*).

- Контекстуальные антонимы могут также образовываться при дифференциации значений синонимов. Это происходит в условиях, когда определенный концепт раздваивается в субъективном пространстве автора. (Последнее время всем хочется быть стильными. *Быть модными уже никого не устраивает. На мой взгляд, стиль - это проявление индивидуальности.* (Робски О. «Стилиссимо»). В данном примере синонимы «модный» и «стильный» становятся контекстуальными антонимами за счет выделения периферийных антонимичных сем «массовость-индивидуальность».

- В основе последней словообразовательной модели лежит паронимия антонимов. Контекстуальные антонимы в этом случае образуются за счет использования системных антонимов, один из которых в рамках контекста используется в значении не антонимичном другому члену оппозиции (по форме - языковые антонимы, а по значению – контекстуальные). Речь идет о так называемой каламбурной амонимии, в которой не связанные по ассоциации концепты в рамках контекста становятся оппозицией. (*Разряженная дама для кармана своего мужа опаснее заряженной пушки*).

Контекстуальные антонимы, представленные существующими в системе языка словами и образованные с помощью рассмотренных нами выше моделей называются «индивидуально-авторскими оппозитивами».

Кроме того, также выделяют индивидуально-авторские окказионализмы (неологизмы) – это придуманные по существующим в языке словообразовательным моделям слова, употребляемые автором в оппозиции в рамках единичного контекста (*безлюбие - любовь, антикиллер - киллер, нескказка – сказка*) [Боева-Омелечко 2012: 128].

Контекстуальная антонимия также может быть межуровневой, то есть возникать 1) между словом и фразеологической единицей (*весел - нос повесил*); 2) между словом и свободным словосочетанием (*шутит - говорит серьёзно*) [Введенская 1995: 357].

В рамках современной теории антонимии существует положение о том, что наряду с лексическими единицами антонимичностью обладают и единицы грамматической подсистемы языка.

Ш. Балли одним из первых указал на существование грамматической антонимии («грамматике свойственна антонимия» [Балли 1955: 192]), под которой он понимал «смысловые противоположности», определяющиеся «чередованиями, символизирующими языковое значение» [Балли 1955: 199]. Эта мысль также развивалась в трудах таких исследователей, как Бондарко А.В., Седых Э.В., Новикова Л.А. и др.

Так, Бондарко А.В. указывает на антонимичность оппозиции форм настоящего и прошедшего времени [Бондарко 1977: 91]. В энциклопедии «Русский язык» (1998) Новиков Л.А. также определяет антонимию «как противоположность значений языковых единиц одного и того же уровня языка: слов, морфем, синтаксических конструкций» [Новиков 1998: 28].

Опираясь на труды указанных выше ученых, Боева Н.Б. разрабатывает концепцию грамматической антонимии в английском языке, разделяя её на морфологическую и синтаксическую.

К морфологическим антонимам относятся: антонимичные морфемы, служебные части речи и служебные слова; грамматические формы — члены категориальных оппозиций; межчастеречные антонимы.

Синтаксические антонимы Боева-Омелечко Н.Б. определяет как «синтаксические конструкции с противоположными значениями, т.е. единицы уровня словосочетания и предложения» [Боева-Омелечко 2012: 43]. Основным критерий выделения антонимических синтаксических конструкций - противоположность синтаксической семантики, которая отличается от лексической семантики. Синтаксические значения (значения структурных

схем) носят более обобщенный характер, выражая отношения между явлениями действительности, или между явлениями действительности и точкой зрения говорящего.

Так, Боева Н.Б. выделяет следующие оппозиционные семы, находящиеся в структурах значений синтаксических антонимических конструкций: семы «аффирмативности / негативности» («утверждения / отрицания»), «активности / демиактивности», «активности / относительной демиактивности», «реализованности / нереализованности действия», «реальности / гипотетичности», «реальности / ирреальности», «начала / окончания действия» [Боева 2001: 179-181].

Современная теория антонимии выделяет также текстовую антонимию, которая реализуется только в рамках целого связного текста. Впервые данный термин появился в монографии Миллера Е.Н. «Природа лексической и фразеологической антонимии». Позднее феномен текстовой антонимии был изучен в рамках докторской диссертации Н.Б. Боевой на материале английского языка.

Текстовая антонимия рассматривается в современной лингвистике и в рамках концепции диалогической природы языка. В эпидигматической системе языка вторичные тексты, в которых речевые субъекты имеют статус отвечающего на высказывание, данное в тексте-основе, могут обладать антонимичностью по отношению друг к другу, так как обладают различными внутренними формами и с позиции синтаксических особенностей организации высказываний имеют аксиологическую модальность⁵.

Таким образом, всестороннее рассмотрение понятия антонимии, функций и видов антонимов, приведенное нами выше, дает основания полагать, что антонимы являются основным репрезентантом антагонизма в современных текстах и дискурсах.

---

⁵ Кузнецова А.С., Николаева А.С. Текстовая антонимия в эпидигматической системе языка. – Барнаул: Инновационная наука. - №3-2. – 2017. – 80-82 с. - режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/tekstovaya-antonimiya-v-epidigmaticheskoy-sisteme-yazyka>

1.3. Стилистические фигуры, основанные на антонимии

В рамках нашего исследования также важно отметить существенную роль антитезы как стилистической фигуры контраста, основанной на использовании антонимов.

Сковородников А.П. дает следующее определение: АНТИТЕЗА (от греч. antithesis – противоположение) – это стилистическая фигура, построенная по принципу контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п. Антитеза основана на сравнении двух противоположных явлений или признаков, присущих, как правило, разным предметам [Сковородников 2011: 46].

Наиболее полную классификацию типов антитезы и средств её усиления приводит Москвин В.П. в первой части своего терминологического словаря «Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры». Ученый отмечает, что антитеза, функционируя в тексте, «может быть усилена различного рода повторами, в частности корневым» [Москвин 2007: 51]. Лексической основой для антитезы в данном случае являются однокоренные антонимы, которые, как считает В.С. Соловьёва, «используются автором для выражения крайних противоречий» [Соловьёва 1980: с. 49; Баранова 1991: с. 53]. Такой тип антитезы часто используется при создании газетных заголовков («*Неблаговидные дела под благовидным предлогом*» и др). Еще одним способом усиления антитезы является синтаксический параллелизм (повтор конструкции), в частности, данный приём лежит в основе структурно-семантической организации многих пословиц и поговорок (*С умным найти, с дураком уронить*).

Антитеза может быть основана на противопоставлении образных наименований. Такой тип антитезы называется «синкрисис» (*голубь – филин, как утро - ночь*).

Москвин В.П. также выделяет два количественных типа антитезы: 1) простая (с одной антонимической парой); 2) сложная (с использованием двух и более пар). Последняя часто применяется в тексте при развернутой

контрастной характеристике двух объектов. Такую функциональную разновидность антитезы называют аллоюзисом, или аллоюзой. Второй функцией сложной антитезы является парное противопоставление ряда объектов.

Кроме того, в лингвистике рассматриваются такие стилистические фигуры, как амфитеза, диатеза и акротеза, выделенные Введенской Л.А. [Москвин 2007: 52 - 53]. Их можно отнести к разновидностям антитезы.

Амфитеза определяется как прием описания целого путем указания на крайние точки, например, при описании крайних точек в пространстве («От Москвы до самых до окраин,/ С южных гор до северных морей/ Человек проходит как хозяин...» В.И. Лебедев-Кумач). Отличает амфитезу возможность допущения однословной замены («и стар и млад» в значении «все»), которая не допускается антитезой.

Диатеза, как фигура речи, используется для «утверждения среднего признака путем отрицания противоположных признаков» [Введенская 1991: с. 50] (ни то ни сё – простая диатеза; «В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок...» - сложная диатеза)

Акротеза – стилистическая фигура, выражающая утверждение, усиленное отрицанием противоположного. Акротеза может быть представлена в конструкции, где слова-антонимы, одно из которых сочетается с отрицательной частицей «не», соединяются с помощью противительного союза «а» («Во имя правды, а не лжи...» Е. Евтушенко) [Сковородников 2011: 48].

Таким образом, исходя из функциональных возможностей антитезы, можно сделать вывод, что данная стилистическая фигура является универсальным средством создания контраста, так как реализуется в зависимости от аспекта рассмотрения текста на разных уровнях: лексическом (по средствам антонимов), образном (благодаря средствам усиления, например, лексическому повтору), композиционном (с применением

совокупности усилительных средств и благодаря текстообразующей функции антонимов, описанной нами во втором параграфе главы).

Следует пояснить функционирование антитезы на уровне образной системы и композиционном уровне.

Чтобы подчеркнуть положительные характеристики одного явления или предмета и отрицательные характеристики другого в тексте используются антонимичные образы. Наиболее сильный воздействующий на читателя потенциал заложен в тех, которые уже закреплены в языковом сознании человека. Реализации противопоставленных образов служит антитеза или такая её разновидность, как синкрисис.

Антитеза может также лежать в основе композиции текста или части текста. В этом случае происходит условное членение текста или его отрывка на две части, где сначала описывается через определенные признаки одно явление или предмет, затем по принципу параллелизма описывается второе явление или предмет. Кроме того, в результате такого построения текста противопоставление затрагивает и композиционные элементы, благодаря чему усиливается восприятие описываемых явлений как противоположных.

Кроме того, противопоставленность сравниваемых объектов, как сущность данной стилистической фигуры, характерна и для языка вражды, так как в его основе лежит поляризованное деление на «МЫ-группу» и «ОНИ-группу», которое семантически может выражаться в антиномиях «свой - чужой, другой», «друг-враг» и пр., что позволяет выражать антагонистические отношения с помощью антитезы.

Таким образом, рассмотренные нами стилистические фигуры, такие как простая и сложная антитеза, синкрисис, аллюйоза, акротеза, амфитеза и диатеза, основанные на эффекте контраста и реализуемые с помощью антонимов, позволяют передать противопоставленность объектов в тексте на лексическом уровне и уровне образной системы. Усиленные синтаксическим параллелизмом и различного рода повторами, данные лингвостилевые приемы способствуют созданию текстовой антонимии. Исходя из этого,

можно утверждать, что функциональные возможности описанных стилистических фигур позволяют им стать лингвостилевыми репрезентантами антагонизма.

Выводы к первой главе

Исследование антагонизма в современной лингвистике неслучайно и объясняется рядом факторов. Исследования в рамках мифологического, семиотического, аксиологического, концептуального подходов и с точки зрения теории межкультурной коммуникации показали следующее:

1. Антагонистические отношения отражаются в языковой картине мира как древнего человека, в частности древних славян, так и современного.
2. Антагонизм выражается в противопоставлении «свой - чужой», а также в ряде синонимичных ему бинарных оппозиций, в том числе имеющих положительную и отрицательную оценку.
3. Бинарные противопоставления могут проявляться на всех уровнях языка и присущи языковой картине любого социума.

Еще одним основанием для изучения антагонизма в лингвистике является наличие общей семы «противоположность» как в самом понятии «антагонизм», так и в ряде лингвистических понятий, таких как «антонимия», «антонимичность», «контраст», лежащий в основе явления антонимии. К этим понятиям относятся и стилистические фигуры, построенные на антонимах и создающие эффект контраста.

Таким образом, противопоставленность сравниваемых объектов, присущая антонимам и стилистическим фигурам, основанная на антонимии, и проявляющаяся в оппозициях «свой - чужой, другой», «друг-враг» и пр., которые семантически могут выражать антагонистические отношения, дает возможность рассматривать перечисленные нами выше лингвистические средства как языковые репрезентанты антагонизма.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОСТИЛЕВЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ АНТАГОНИЗМА В МЕДИАТЕКСТАХ РАЗЛИЧНОЙ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

2.1. Современный медиатекст как сфера проявления антагонизма

Поликультурность современного общества, обусловленная усилением миграционных потоков в условиях глобализации, тесно связана с проблемой культурной и этнической самоидентификации, роста этнического самосознания и последующей реэтнизации. На фоне стремительного развития информационных технологий, социальных коммуникаций и социальных сетей, которые позволяют генерировать, транслировать и тиражировать информацию о ценностях и традициях различных национальных и этнических культур, указанные социальные тенденции приводят к увеличению межэтнических и религиозных столкновений, осуществляющихся как физически, так и вербально [Лапин 2016: 3].

Особую роль в данной ситуации играют средства массовой информации и медиа, так как непосредственно влияют на формирование общественных взглядов, установок, стереотипов, одновременно отражают общественное настроение и способны обострить конфликты между представителями различных национальностей, народностей, конфессий. Обсуждение, полемики, споры, касающиеся эмигрантов, обостренной внешнеполитической ситуации, различий в религиозных и нравственных взглядах народов, населяющих РФ, все чаще провоцируют проявления ненависти, антагонизма, ксенофобии и, как следствие, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Причиной тому является неосторожное обращение с языком в процессе создания медиа-продуктов данной проблематики.

Перечисленные выше факторы, возникшие в рамках современной политической и социокультурной обстановки, стали причиной появления

многочисленных исследований в области журналистики и лингвистики, посвященных медиатекстам и их языку.

Впервые термин «медиатекст» появился в работах 90-х годов XX века, опубликованных такими зарубежными лингвистами, как Т. Ван Дайк, А. Белл, М. Монтгомери и др. В России изучением медиатекста как базовой категорией одной из первых занималась Т.Г. Добросклонская. Основной проблемой для ученых стал тот факт, что данное понятие, закрепившееся как обобщающий термин за текстами массовой коммуникации, вообрало в себя ряд других понятий, подчас параллельных, взаимозаменяемых или пересекающихся (массово-коммуникативный текст, массмедийный текст, журналистский текст, публицистический текст, газетный текст, телетекст, рекламный текст, PR-текст, Интернет-текст и др.). Более того, значение слова «медиа» (от лат. «media», «medium» – средство, способ, посредник) оправдывает использование термина «медиатекст» по отношению к любому носителю информации.

Другим проблемным вопросом для ученых являлось определение объема понятия «медиатекст», так как в его рамки вписывается все, что вовлечено в сферу СМИ. В связи с этим, термин «медиатекст» интерпретируется как совокупный продукт журналистики, рекламы и PR, представляющих три глобальные подсистемы массовой коммуникации.

В настоящее время медиатекст стал одной из базовых категорий в таких направлениях лингвистической, философской, педагогической науки, как медиалингвистика, медиастилистика, медиакультура, медиаобразование (работы Добросклонской Т.Г., Кирилловой Н.Б., Солганика Г.Я., Федорова А.В. и др).

В классической теории медиатекст рассматривается как: 1) текст «в универсальном, классическом значении этого понятия» [Мисонжников 1999: 4]; 2) уникальный (особый) тип текста, отличающийся от текстов других коммуникативных сфер (научных, художественных и др); 3) совокупный

продукт массовой коммуникации - журналистские, рекламные и PR-тексты с присущими им специфическими характеристиками.

Однако постоянные изменения в современной текстовой действительности – развитие информационных технологий, конвергенция средств массовой коммуникации, возникновение новых аспектов или типов текстов (смешанные, креализованные, поликодовые тексты, мультимедиа-тексты и др.) - обуславливают, наряду с традиционными, возникновение новых интерпретаций, часто интегративных.

Так, Добросклонская Т.Г. отмечает в своих работах, что классический текст, перенесенный в сферу массмедиа, приобретает новые смысловые оттенки и медийные добавки⁶. Эта мысль перекликается с исследованиями Солганика Г.Я., который указывает на выход медиатекста за пределы знаковой системы языка, что приближает его к семиотическому пониманию текста [Солганик 2005: 7-15].

О связи специфики медиапродукта с изменением статуса классического произведения и внешних условий его существования писал еще Рождественский Ю.В. («Введение в общую филологию», 1979 г). В связи с этим, ученые выделяют экстралингвистические факторы, определяющие специфику медиатекста⁷.

1) Особый тип и характер информации.

Кубрякова Е.С. и Цурикова Л.В. существенной особенностью считают «значимость информации для общества» или его отдельных групп [Кубрякова 2008: 185], при этом ученые указывают, что не столько важно содержание такой информации, сколько осознание массового потребителя её существенности, важности, необходимости. Идеологический характер текстов массовой коммуникации также отмечался Т. Ван Дайком и У. Эко);

---

⁶ Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: 2008, - с. 35 – [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/>

⁷ Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста. – СДА, 2012. - с. 321-323. – [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml>

Волков А.А. обозначает массмедиа как «единую систему идеологического воздействия» [Волков 2008: 129].

2) Вторичность текста.

Рождественский Ю.В. подчеркивал, что отличительной чертой текстов массовой коммуникации является их способность использовать, систематизировать, сокращать, перерабатывать и особым образом оформлять все другие виды текста, считающиеся «первичными» [Рождественский 1979: 166].

3) Производство «на поток», одноразовость, невозпроизводимость.

Под этими характеристиками также понимают стандартизованность, сиюминутность, быстротечность информации. Ряд исследователей полагает, что именно эти черты обуславливают выход массовой информации за пределы культуры в область массовой культуры, «ценности которой ориентированы на примитивный уровень потребления товаров и услуг» [Волков 2008: 131].

4) Смысловая незавершенность, открытость для многочисленных интерпретаций.

Данные черты характеризуют массмедийную интертекстуальность. Пояняя её специфику, ученые указывают на то, что тексты СМИ «представляют собой совокупность фраз бесконечных гипертекстов, где все является ссылкой друг на друга и бесконечным цитированием», что делает медиатексты лишь «звеном в передаче информации» [Артамонова, Кузнец 2008: 110].

5) Поликодовость текста.

Медиатексты носят смешанный характер, то есть в них языковая знаковая система соединяется «с различными невербальными знаковыми системами» [Рождественский 1979: 166]).

В связи с данным фактором, ученые обозначают современные медиатексты как мультимодальные (Чичерина Н.В.), креолизованные (Валгина Н.С., Кайда Л.Г.), поликодовые (Чернявская В.Е.), так как в их едином смысловом пространстве может происходить интеграция

разнородных компонентов: вербальных, визуальных, аудитивных, аудиовизуальных и др. Например, в газетном тексте визуальная составляющая, заключающаяся в графическом, шрифтовом, цветовом оформлении текста, а также пространственный параметр (размещение на полосе, объем, соседство с другими текстами) выполняют определенную смыслообразующую функцию.

6) *Медийность* – влияние на текст технических возможностей передающего канала и зависимость семиотической организации текста от его (канала) форматных свойств.

7) *Многофункциональность массовых коммуникаций* – осуществление воздействия медиатекста на аудиторию через информирование, убеждение и манипуляцию.

8) *Коллективное производство текстов*. Адресантом медиатекста может быть как единичный автор, так и собирательный, коллективно-индивидуальный.

Автор является важнейшей стилеобразующей категорией текстов массовой коммуникации. В связи с этим существует ряд классификаций, в основе которых лежат различные показатели авторства.

Так, Щелкунова Е.С. основывается на степени присутствия автора в ткани текста и соответственно выделяет три типа коммуникатора: персонифицированный, обобщенный и деперсонифицированный автор [Щелкунова 2004: 136].

Опираясь на количественный (понятие объема) и качественный (статус коммуниканта) критерии, Н.В. Муравьева описывает такие типы автора, как персональный/коллективный, частный/публичный/социальный [Цит. по: Казак 2012: 327].

Концепция Солганика Г.Я. сводится к возможности выделения в категории адресанта оппозиции: автор – «человек социальный» и «человек частный», между крайними полюсами которой формируются такие

переходные случаи, как автор-пропагандист, полемист, редактор, летописец, художник, аналитик, исследователь и др. [Солганик 2010: 23].

9) *Массовая аудитория* – адресат медиатекста, вступающий в опосредованное, социально ориентированное общение [Леонтьев 2008: 134]. В связи с этим, категориальными признаками такой аудитории становятся ретиальность, рассредоточенность, неопределенность, разнородность. Массовая аудитория объединена «только элементарным знанием языка» и представляет собой не связанные целями и интересами социальные группировки [Волков 2008: 130].

Адресатность текста является важнейшей категорией коммуникативного взаимодействия. Так, Каминская Т.Л. в своем исследовании проводит параллель между адресантом в массовой коммуникации и образом автора в художественном тексте (по концепции Виноградова В.В.), в обоих случаях отмечая роль автора как организующего начала.

Создание медиатекста напрямую зависит от адресата, на которого ориентируется адресант. В связи с этим, текстовая категория образа автора характеризуется наличием в тексте оппозиции «свой – чужой», ориентацией на речевой опыт целевой аудитории, использованием элементов, отражающих картину мира адресата и описывающих его стиль жизни и социальный статус. Соответственно, в современных медиатекстах выделяются следующие типы адресата: «интеллигентное меньшинство», «представитель образцовой среды», «простой человек» [Каминская 2009, цит. по: Казак 2012: 328].

Стоит также отметить, что современные издания, ориентируясь на те или иные сегменты массовой аудитории (на «своего» читателя) стали систематизироваться по различным признакам: типологическим (качественные - массовые - бульварные), идеологическим (нейтральные - левоориентированные - правоориентированные), стилевым (традиционные - бульварные).

10) Особый характер обратной связи. Костомаров В.Г. указывал на то, что характер обратной связи в массовой коммуникации отличается ограниченностью, минимизированностью, или она может вовсе отсутствовать, быть отложенной во времени и пространстве, то есть иметь имитационный характер («массовки» на телевидении) [Костомаров 2005: 180]. Однако стоит отметить, что обратная связь медиатекстов, функционирующих в сети Интернет, может носить мгновенный характер.

Типологическую характеристику СМИ обуславливает ряд признаков: форматные (тираж, объем издания, периодичность и др.), экономические, аудиторные, целевые и организационные. В связи с этим, типы текстов также имеют различия на содержательном, структурно-композиционном, жанрово-стилистическом и языковом уровнях, в зависимости от типа издания. Те или иные текстовые модели формируются, опираясь на жанровые признаки (тематические, композиционные и стилистические типы высказывания).

В современных медиатекстах наблюдается все большая контаминация, смешение жанров, монтаж текстовых моделей. В традиционной системе журналистских жанров происходят заметные изменения, которые проявляются в уходе одних форм и появлению других, в размывании жанровых границ и свободном комбинировании нескольких текстовых моделей (исследования Мисонжникова Б.Я., Тяплишиной А.Н., Кройчика Л.Е. и др).

Интеграционные процессы охватывают не только журналистские тексты, но и другие медиапродукты, что вызывает беспокойство у многих ученых. Они прогнозируют непредсказуемость социальных последствий в результате сращения текстов журналистики и PR, которые влияют на коммуникативные процессы в обществе, а также на поведение и мировоззрение массовой аудитории.

Таким образом, наряду с естественной гибкостью и подвижностью границ текстов жанровая разнородность в массовой коммуникации рождает проблемы профессионально-этического и нормативного характера. Текстовая

гетерогенность, отличающаяся активным взаимодействием публицистического с другими функциональными стилями, включая нелитературные формы национального языка, вызывает также расширение границ языка СМИ, характеризующегося снижением стиля.

Перечисленные нами экстралингвистические факторы, определяющие специфику медиатекстов, влияют также на свойства и функции медиатекстов. В настоящее время существует несколько классификаций, определяющих те или иные функции медиатекста.

В сфере журналистики выделяются следующие функции СМИ: информационная; образовательная; пропагандистская; функция социализации; критики и контроля; мобилизационная; инновационная; оперативная; формирование общественного мнения. Данная классификация очень широка и не учитывает специфики медиатекста.

В рамках данного исследования, мы считаем важным более подробно рассмотреть классификации функций медиатекста, представленные в аспектах когнитивной лингвистики и психолингвистики, то есть изучающие медиатекст в связи с его влиянием на мышление человека.

Так, ряд исследователей языка масс-медиа (Маклюэн М., Рождественский Ю.В., Анненкова И.В. и др.) отмечают, что именно средства массовой информации и коммуникации формируют картину мира современного человека, основными признаками которой становится динамичность, разрозненность и фрагментарность.

В своих исследованиях Анненкова И.В. утверждает, что моментальная передача резонансной информации сознанию адресата активно влияет на пространственно-временную организацию её восприятия, в связи с чем происходят постепенное вытеснение реальности и её замена на квазиреальность, которая представляет собой некую «медиакартину» [Анненкова 2011: 71], состоящую из отдельных фрагментов действительности, данных под определенным ракурсным взглядом, навязанным адресантом своему адресату

посредством приемов убеждения или манипуляции, т.е. сила воздействия современных медиа-продуктов, в частности медиатекстов, настолько велика, что способна вытеснить привычные представления современного человека о мире, конструируя в его сознании «собственную», выгодную адресанту квазиреальность, предлагаемую адресату как единственно возможную. Стоит отметить, что воздействующий потенциал современных медиатекстов достигается умелым использованием авторами всего арсенала культуры, и в первую очередь, национальной, т.е. апеллирование к уже сложившимся в языковом сознании человека традициям и архетипам.

Учитывая выше сказанное, можно выделить классификацию функций медиатекста, данную Рогозиной И.В., которая рассматривает медиатекст как гетерогенную когнитивную структуру. Применяя интегративный подход (медиатекст в системоцентрической лингвистике, психолингвистике и когнитивной лингвистике), позволяющий актуализировать семиотический аспект языка масс-медиа, Рогозина И.В. изучает язык медиакommunikации «в его связи с человеческой психикой, через призму реализуемых в разных модальностях познавательных процессов, а также в контексте его функционирования в обществе», то есть как функционирующую целостность [Рогозина 2010: 119-120]. В рамках данной концепции выдвигаются следующие положения:

- При моделировании реальности в медиатекст включаются социальные, культурные, этнические и исторические параметры, что позволяет выявить сущность медиатекста как особой системы, отражающей «структуры внешнего мира в связи с потребностями социальной деятельности» [Демьянков 1992: 24].

- Этнокультурные, социальные и исторические факторы обуславливают свойства медиатекста: антропоморфность (репрезентация в медиатексте включенности индивидов в социальный процесс);

социоморфность (конструирование социальной реальности индивидами за счет их участия в происходящих событиях и её отраженность в медиатексте); амбивалентность (репрезентация медиатекстом отношений, в которых проявляется единство и целостность социальной реальности) и полимотивированность (множественность интерпретаций различных «версий» реальности при восприятии индивидом медиатекста).

- «Функции медиатекста задаются социальной системой и заключаются в репрезентации реальности в оценочной форме с целью воздействия социального субъекта (органа СМИ) на мышление реципиентов – членов социума» [Рогозина 2010: 120-124].

Опираясь на данные положения, а также подчеркивая расширение невербального пространства медиатекста, Рогозина И.В. создает следующую классификацию функций медиатекста, которые ранее не могли быть реализованы, либо были неэффективны:

- 1) *диагностическая* (выявление «проблемных точек» в социальном пространстве, привлечение внимания общества к необходимости решения данных проблем для поддержания «неустойчивого равновесия»);

- 2) *моделирующая* (медиатекст – модель фрагмента реальности, фиксирующая знания индивида о реальности при помощи языка и других кодов (знаковых систем), в результате сопряжения которых, моделирующие свойства воспроизводимых СМИ комплексных семиотических образований, отражающих фрагменты реальности, усиливаются);

- 3) *информативная* (отвечающая потребности индивидов получать поликодовую медиаинформацию, которая обеспечивала бы развитие процесса обработки информации человеком);

- 4) *экспликативная* (медиатексты не выполняют функцию «чистого» информирования, они интерпретируют событие, упорядочивая различные аспекты ситуации);

5) *интегративная* (обеспечивающая единство индивида с социумом в рамках его восприятия, т. е. поликодовый медиатекст интегрирует индивида в реальность и модели реальности в его мышление);

б) *синергетическая функция* (СМИ, как один из основных социальных инструментов познания реальности, объединяют части отдельно взятого социума, а также все части мира. Масс-медийное продуцирование знаковых пространств, фиксирующих структуры и процессы реального мира, взаимодействуя с мышлением реципиента, становятся частью его концептуальной системы);

7) *регулятивная функция* (медиатекст конструирует свойства внешнего мира в моделях, соответствующих по структуре целям продуцента. Такие прагматические элементы, содержащиеся в составляющих медиатекст различных кодах, вступают, в свою очередь, в различные взаимоотношения с концептуальной системой реципиента. Иными словами, восприятие медиатекста равно восприятию мира через других людей) [Рогозина 2010: 124-126].

Исследования современного медиатекста и его функций, проведенные Рогозиной И.В., доказывают, что СМИ не только формируют картину мира членов массовой аудитории, но и активно участвуют в социальных процессах различного масштаба, играя важную роль в самоидентификации личности и регулируя взаимоотношения, реализуемые в социуме.

Влияние медиатекста на сознание и поведение современного человека естественно изучается и в рамках социокультурной лингвистики. Так, Домбровская Ю.А. выделяет наряду с другими социо-культурные функции медиатекста, реализуемые как на уровне общества, так и на уровне личности, и подчеркивает в рамках своего исследования роль дисфункций.

Опираясь на труды Шевченко А.Ю. и Т. Ван Дайка, ученый также отмечает, что реализация социо-культурных функций в медиатексте непосредственно связана с семантическими средствами, с помощью которых адресант оказывает влияние на сознание адресата. В связи с этим

представленная Домбровской Ю.А. классификация была создана с опорой на анализ медиатекстов, осуществлявшийся с помощью семантического метода, метода контент-анализа, а также метода экспериментальных фокус-групп. Данная классификация строится по принципу: *функция на уровне общества (на уровне личности)/ дисфункция на уровне общества (на уровне личности)*, [Домбровская 2010: 129-138].

1. Социально-культурная интеграция (социализация) / социально-культурная дезинтеграция (десоциализация).

Данная функция позволяет медиатексту транслировать общечеловеческие ценности, нормы культуры, морали и социального поведения. Эмоционально воспринимая события, содержащиеся в медиатексте, адресат переносит его интенции в собственную ценностно-мотивационную сферу. Чаще всего функцию интеграции и социализации осуществляет медиатекст, создаваемый социально значимыми СМИ, поддерживаемыми государственными структурами. Благодаря этой функции медиатекст формирует общественное сознание, его нравственное и духовное развитие. Однако в определенных условиях медиатекст может утратить свои функции, что приводит к дисфункциональному эффекту. Так, транслирование в медиатексте установок на цинизм, жестокость и насилие указывает на дисфункцию дезинтеграции и десоциализации. В настоящее время медиатекстам присущи также установки мифологического сознания (миф катастрофизма, всеобщей продажности, страха, безнадежности, политической апатии и т.д.), что вызывает негативные последствия в жизни общества.

Кроме того, медиатексты, осуществляющие данную дисфункцию, часто направлены на разжигание вражды и нередко содержат лингвостилевые репрезентанты расового или национального антагонизма. Домбровская Ю.А. отмечает, что основными семантическими средствами в реализации данной функции/дисфункции являются контраст и парафраза.

2. Функция социо-культурной и личностной идентификации (позитивной / негативной).

В рамках национальной идентификации положительным примером служит повышение уровня патриотизма человека при восприятии медиа-продукта. Позитивная профессиональная идентификация осуществляется при восприятии медиатекста, помогающего сделать выбор социально-значимой профессии или формирующего установки на профессиональное и честное исполнение трудовых обязанностей. Статусно-ролевая идентификация считается позитивной, если медиатекст формирует установку на альтруизм, толерантность, позитивное отношение к окружающим и др. В рамках личностной позитивной идентификации восприятие медиатекста подкрепляет индивидуальные ценности, транслирует сведения о признанных в обществе моделях поведения, улучшает понимание самого себя [Назаров 1999: 16]. Однако Домбровская Ю.А. отмечает, что в настоящее время чаще всего медиатекст реализует дисфункцию, т.е. негативную социо-культурную и личностную идентификацию, что имеет серьезные последствия, проявляющиеся в «контроле сознания» [Назаров 1999: 17], который навязывает массовой аудитории низконравственные, аморальные установки.

3. Повышение социально-культурного статуса различных общностей (позитивная «Я-концепция» человека) / дискриминация отдельных общностей (негативная «Я-концепция» человека).

Упоминание в медиатексте той или иной социальной группы присваивает ей некий статус в обществе. Данная функция реализуется, если объектом речи в медиатексте становятся ранее непризнанные общности (люди с ограниченными возможностями здоровья, вынужденные переселенцы и др.), либо в рамках медиатекстов поднимаются социальные проблемы отдельных групп. Такое отношение формирует также позитивную «Я-концепцию» представителей социальных групп. Однако и в данном случае чаще наблюдаются дисфункции медиатекста, связанные с

дискриминационным отношением к отдельным общностям, понижением их статуса и формированием негативной «Я-концепции» их представителей. Такие медиатексты также часто содержат лингвостилевые репрезентанты антагонизма по отношению к тем или иным социальным группам.

4. Повышение уровня общественной культуры сознания и поведения (удовлетворение эстетических потребностей личности) / понижение уровня общественной культуры сознания и поведения (неудовлетворение эстетических потребностей личности).

Данная функция связана с возрождением национальной культуры и её обогащением через создание медиатекстов и транслирования в них информации о традициях, обрядах, народных праздниках и др. В настоящее время данная функция почти не осуществляется, что приводит к потере интереса у массовой аудитории к вопросам культуры и, как следствие, падению общего уровня культурного развития общества. Здесь же стоит отметить, что данная дисфункция осуществляется и в медиатекстах, содержащих лингвистические признаки антагонизма в отношении той или иной народности, нации или конфессии.

5. Просвещение массового сознания (повышение уровня индивидуального социально-культурного интеллекта) / дезинформация и искажение общественных представлений о социально-культурной реальности (понижение уровня индивидуального социально-культурного интеллекта).

Последняя функция обусловлена тем, что для 80 % населения России медиатекст - основной источник информации об окружающей действительности [Федотова 2003: 34], что делает содержание медиатекстов основополагающим критерием общей социально-культурной просвещенности россиян. Однако анализ современных медиатекстов с точки зрения его потенциала в формировании мировоззрения личности указывает на то, что современные медиатексты не способны повысить социально-культурный интеллект массовой аудитории, так как не отвечают принципам

правдивости и объективности, часто содержат информацию, апеллирующую к исключительно гедонистическим потребностям аудитории.

Таким образом, исследования в рамках социокультурной лингвистики подчеркивают значимую роль медиатекстов в формировании массового сознания, уровня общей культуры поведения и социально-культурного интеллекта, однако позволяют критически осмыслить функционирование современных медиатекстов, указывая на ряд дисфункций, имеющих негативные последствия для отдельно взятых личностей и общества в целом. Выше сказанное также позволяет рассматривать в рамках нашего исследования проявление национального, религиозного и социального антагонизма в современном медиатексте как фактор, влияющий на реализацию в той или иной мере всех выше перечисленных социально-культурных дисфункций.

Во втором параграфе первой главы мы выявили ряд лингвистических понятий, содержащих сему «противоположность», что сближает их с понятием «антагонизм» и позволяет рассматривать их в качестве языковых репрезентантов антагонизма в медиатексте. Изучив специфику и функционирование таких языковых приемов и средств, мы разработали следующую классификацию, выстроенную по принципу реализации оппозиций на разных уровнях текста:

1. На лексическом уровне противопоставленность реализуется с помощью различных видов антонимов.

2. Противопоставленность образов достигается с помощью таких стилистических фигур, как антитеза (простая, сложная), синкрисис, аллюйоза, амфитеза, диатеза и акротеза.

3. На композиционном уровне может возникать текстовая антонимия, которая реализуется с помощью всех перечисленных выше приемов и средств, усиленных синтаксическим параллелизмом, что позволяет противопоставить части целого текста.

Выделенные нами языковые средства и стилистические фигуры часто используются в медиатекстах социальной, религиозной, этнической и национальной направленности. В зависимости от специфики медиатекста, целей его адресанта, аудитории, для которой он предназначен, все вышеперечисленные средства, включаясь в медиатекст, могут потенциально стать репрезентантами антагонизма. Важно также отметить, что деление медиатекстов по тематике носит условный характер, так как часто противоречия между группами (объектами вражды) возникают по нескольким признакам одновременно, то есть антагонизм может носить смешанный характер. В связи с этим, весь отобранный материал мы условно разделили на две большие группы: медиатексты религиозной тематики и медиатексты национально-этнической тематики.

2.3. Лингвостилевые репрезентанты антагонизма в медиатекстах религиозной тематики

Как уже было сказано выше, антагонизм может носить смешанный характер. Часто противопоставленность конфессиональных групп параллельно отражает и расовые различия. Примером такого текста является статья «Ариохристианство против Иудеохристианства», опубликованная в блоге «Ариохристианство» от 22 июля 2011 года. Автор данной статьи является представителем ариохристианства, «учения эсхатологической расовой войны, отвергающего теорию богоизбранности Израиля», об этом свидетельствует наблюдаемое в тексте поляризованное деление на МЫ- и ОНИ-группы. В тексте содержится высказывание, в котором автор формулирует поставленную перед религиозно-расовой группой «арioxристиане» цель – *«вывести из сферы иудейского влияния своих арийских братьев, обольщенных деструктивной расово чуждой религиозностью»*. Таким образом, установка на репрезентацию антагонизма заложена на уровне интенции автора.

Так, в статье наблюдается противопоставление групп лиц по религиозно-расовому признаку. Противопоставленность обозначена уже в заголовке: она выражается на лексическом уровне в использовании контекстуальных антонимов «ариохристианство-иудеохристианство». Антонимия в данном случае обусловлена семантикой предлога «против», которое в заголовке играет роль именной части сказуемого. В Толковом словаре С.А. Кузнецова дается следующее определение: ПРОТИВ – *III. в функц. сказ.* Указывает на действие, явление, событие, по поводу которого кто-либо высказывает возражение, выражает свое отрицательное отношение. *Отец заявил, что он против брака* [Кузнецов 2000: 1031]. Кроме того, контекстуальная антонимия сем, заложенных в корнях «арио-» - «иудео-», указывает на расово-этнический характер и обуславливает ряд других противопоставлений по данному признаку, наблюдаемых в тексте: «белая раса», «арийская нация» (арийцы) – «иудейское иго», «мировые паразиты», «еврейские оккупанты земли» (иудеи).

Кроме того, в данной статье используется антитеза, функционирующая на уровне образной системы, что также объясняет контекстуальную антонимию в названии статьи. Автор, характеризуя ариохристиан, создает образ людей подлинной духовности, осознающих божественное предназначение своей расы. Созданию данного образа служат такие номинации, как «авангард борьбы с детьми дьявола», «небесное воинство во главе с Иисусом, Спасителем расы», «блюстители подлинной духовности и человеческого порядка». Иудеохристиане, в свою очередь, названы «сынами злого духа», «детьми дьявола», последователями «сатанинской религии». Так, автор противопоставляет данные условно религиозные группы по признаку их соотносительности с закрепившимися в языковом сознании человека антонимическими образами «Бог – дьявол, сатана», в семантике которых заложены и другие антиномии («добро - зло», «хорошо - плохо», «правда - ложь» и т.д.), тем самым подчеркивая превосходство арийцев (ариохристиан) над иудеями (иудеохристианами).

Таким образом, в данной статье автор использует на лексическом уровне контекстуальные антонимы и антитезу на уровне образов, чтобы подчеркнуть антагонистические отношения между религиозными группами и убедить адресата в превосходстве одной группы (ариохристиане) над другой (иудеохристиане).

Схожим по тематике медиатекстом, является креолизованный текст, получивший в среде пользователей сети Интернет название «демотиватор» (Рис. 1), опубликованный в группе «РОССИЯ И ЗАПАД», доступной для всех пользователей в социальной сети «ВКонтакте».

(Рис. 1)

Основная цель демотиватора, как жанра, выразить призыв. Особенностью данного медиатекста, как креолизованного, является его «бимодальная природа» [Антонова, Веснина и др. 2014: 222]. Вербальная и визуальная составляющие воспринимаются адресатом в комплексе, что усиливает воздействующий потенциал. Соответственно для объективного и полного понимания идеи такого медиапродукта, следует учитывать все компоненты.

Представленный в демотиваторе текст визуально разделен на две части, каждая из которых имеет подзаголовок («Русская религия для русов» - «Еврейская религия для русов») – здесь реализуется противопоставленность по национально-этническому признаку, выразившаяся на лексическом уровне в использовании контекстуальных антонимов «русская религия» - «еврейская религия». Поясняющая часть, повторяющаяся в обоих заголовках, - «для русов» - указывает на то, что созданная в медиатексте картина мира, отражает восприятие одной из противопоставленных групп - русов. Цель автора заключена в резюмирующем призыве: «*Русич, задумайся, кто и зачем подменил тебе идеалы и понятия*». Здесь содержится информация о том, что адресат мыслит неверно по чужой воле, и передается в предикативной части с помощью глагола «подменил» (ПОДМЕНИТЬ – 1. тайно, незаметно, или нечаянно заменить другим. *Подменить карту в колоде*. [Ожегов, 2005: 537]). Призывая адресата «задуматься», автор дает ему подсказку, указывая на субъекта действия «подменил» особой организацией текстовых частей, расположенных выше. Данные части текста, графически разделенные на два столбца, раскрывают смысл слов «идеалы и понятия».

Идеалы «руса» выражены в ряде побудительных предложений, расположенных в первом столбце («*Защищайте вы землю свою и победите оружием правым всех врагов Расы. Не воздавайте, люди, Добром за причиненное вам зло*»). Идеалы «евреев», представляющих собой точные и неточные цитаты из Библии, расположены во втором столбце («*Возлюби врагов своих. Не противься злу. Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и левую. Кто захочет взять у тебя рубашку, отдай и верхнюю одежду*»). Так, автор медиатекста имплицитно сообщает, что идеалы «русской религии» были подменены идеалами «еврейской религии».

Описывая идеалы «русской религии» и «еврейской религии», адресант создает в сознании адресата антонимичные образы «руса» и «еврея», используя глагольные конструкции, содержащие противопоставленные семы,

с помощью которых реализуется контекстуальная антонимия («защищайте» – «не противься», «победите врагов» - «возлюби врагов») и усиливая эффект контраста, используя визуальные составляющие, демонстрирующие противопоставленные образы (сильный здоровый мужчина славянской внешности на фоне славянского тотемного столба (рус, ариец) – окровавленный распятый Христос (символ «еврейской религии»). Все противопоставленные элементы, воспринимаемые в совокупности, приобретают скрытую оценку: русич (русская религия) – положительную, еврей (еврейская религия) – отрицательную, что демонстрирует физическую и духовную неполноценность последней и явный антагонизм между представителями противопоставленных групп.

Таким образом, в данном медиатексте антитеза, лежащая в основе образной системы, используется с целью конструирования в сознании адресата деструктивной картины мира, в которой на первый план выходит антагонизм между представителями «русской религии» и «еврейской религии» - условно религиозно-национальными группами.

Следующим примером служит статья «Почитание женщины в Исламе» от 18.09.2016 года, размещенная в группе «Призыв к Исламу! Ислам или христианство?», доступной для всех пользователей в социальной сети «ВКонтакте». В данной статье через признак «отношение к женщине» противопоставляются те, кто исповедует Ислам, и все остальные. Исходя из анализа названия группы, заголовка статьи и её содержания, мы понимаем, что цель данного текста – пропаганда ислама через противопоставление данной религии христианству.

Данный медиатекст композиционно выстроен по принципу антитезы. В первой части, имеющей подзаголовок «Некоторые примеры почитания женщины в Исламе», автор перечисляет в первом фрагменте⁸ проявления отношения к женщине в странах, исповедующих Ислам.

---

⁸ *«Ислам избавил женщин от униженного положения, наделив их правами, почетом, сделал их равными с мужчинами во многих религиозных обязанностях, в запретах, в награде, в наказании... Аллах*

Основываясь на перечисленных признаках, автор делает вывод непосредственно об Исламе как о религии: *«Это положение женщины в Исламе, так как Ислам полноценная, чистая, справедливая, милосердная религия».*

Далее следует вторая часть текста, имеющая подзаголовок «Сегодняшнее положение женщины в кафирских материально развитых странах». В данном отрывке⁹ с помощью антитезы конструируется противоположное отношение к женщине тех, кто не исповедует Ислам.

По принципу параллелизма в выстраивании текста автор также приходит к выводу: *«Так враги Аллаха и отняли у этой несчастной женщины возможность для создания счастливой жизни, лишили ее общественных прав, чтобы использовать ее как инструмент для разврата и разрушения»*, в котором содержится мысль о том, что те, кто не исповедует Ислам («враги Аллаха») несут разврат и разрушения.

Организация данного текста по принципу антитезы обусловлена наличием контекстуальных антонимов на лексическом уровне, которые формируют противопоставленность образов женщины Ислама и женщины «кафирских стран». Антагонизм между Исламской религией и другими религиями выражается в данном тексте за счет следующих приёмов и средств:

1. Используемые в подзаголовках слово «Ислам»¹⁰ и словосочетание «кафирские»¹¹ страны» приобретают в контексте статьи

защитил ее от непристойного отношения к ней с помощью Шариата, и уберег ее от греховных рук и глаз, которые посягают на нее и ее честь, и обращаются с ней не по законам Шариата. И так она стала жить под тенью Ислама: матерью, женой, сестрой, дочерью, совершая свои обязанности, будучи хозяйкой в семье».

⁹ *«Положение женщины в таком обществе намного хуже...Они притеснили женщину... Отняли у нее заботу о доме и семье, воспитание детей... Ее вынудили добывать пропитание, на такой работе, где она терпит оскорбления и задевается ее честь. Заставили её выполнять мужскую работу... бросили в море разврата, где она стала игрушкой в грязных руках, для удовлетворения желания грешных душ... оставили женщин выполнять тяжелую работу, уходить в поисках работы, чтобы прокормиться, иногда даже оставляя родину. Эти женщины уезжают без опекунов и живут одиночками среди чужих, подвергаясь опасности со всех сторон...»*

¹⁰ ИСЛАМ – распространившаяся во многих странах Востока одна из трех мировых религий, возникшая в Аравии в 7 в. н.э. на основе почитания Аллаха как единого Бога [Ожегов 2005: 252].

антонимический характер и противопоставляются друг другу по признаку «верующие в Аллаха – неверующие, «враги Аллаха»»).

Противопоставленность данных контекстуальных антонимов носит также оценочный характер. Подчеркивая положительное отношение Ислама к женщине («почитание»), автор использует ряд глаголов с положительной семантикой («Ислам избавил», «защитил», «уберег»), соответственно, описывая положение женщины в кафирских странах, автор использует ряд глаголов с отрицательной семантикой («они притеснили», «вынудили», «заставили» «бросили», «враги Аллаха отняли...»).

2. Выражению антагонизма также служит использование антитезы (а также синкрисиса) на уровне образов.

Автор создает в сознании читателей положительный образ жизни женщины в Исламе за счет ряда однородных членов, указывающих на возможность женщины занимать значимые для неё социальные роли («...она стала жить под тенью Ислама: матерью, женой, сестрой, дочерью, совершая свои обязанности, будучи хозяйкой в семье»). В свою очередь для создания негативного образа жизни женщины в кафирских странах автор использует ряд номинаций, несущих в себе компоненты отрицательной оценки («несчастливая женщина», «инструмент для разврата и разрушения», «игрушка для удовлетворения желания грешных душ»).

Таким образом, анализ данной статьи показал, что автор текста за счет композиции, построенной по принципу антитезы, указывает на превосходство Ислама над всеми остальными религиями, выделяя Ислам как единственно правильную религию с гуманными и справедливыми взглядами. Стремясь доказать свою точку зрения, автор указывает на антагонизм между обществом, живущим по законам Ислама, и теми, кто не исповедует Ислам. Противоречие между ними реализуется в тексте на лексическом, образном и

---

¹¹ КАФИР (Кяфир) - неверный, неблагодарный, скрывающий, не признающий истины, не верующий в существование или единство Аллаха. (Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – М.: Ансар, 2007. – с. 400. - Режим доступа: <http://slovar-islam.ru/books/k.html>)

композиционном уровнях за счет использования контекстуальных антонимов, синкризиса и антитезы, усиленной синтаксическим параллелизмом структурных частей текста.

Таким образом, приведенная нами в конце первого параграфа второй главы классификация приемов и средств, выражающих противопоставленность на разных уровнях текста, в полной мере находит своё отражения в различных текстах религиозной тематики. Однако следует отметить, что русскоязычному населению не свойственно проявление религиозного антагонизма в чистом виде.

2.3. Лингвостилевые репрезентанты антагонизма в медиатекстах национальной и этнической тематики

Один из основных типов антагонизма, который выражается в современных медиатекстах, – это национальный и этнический антагонизм. Стоит отметить, что данная проблема чаще других затрагивается в русскоязычных СМИ, а также в социальных сетях сети Интернет. Столкновение интересов различных наций, народов, выражение ненависти и возбуждение вражды к отдельным национальным и этническим группам может проявляться в медиатекстах на разных уровнях (лексическом, образном, композиционном) в зависимости от основной цели автора. Зачастую адресанты медиатекста допускают высказывания о превосходстве одной группы над другой, высказывания о вине одной из групп в бедах и неблагополучии другой группы в прошлом, настоящем и будущем (и др. высказывания, относящиеся к лингвистическим признакам возбуждения вражды), которые подчеркивают наличие антагонистических отношений между ними.

Обратимся к конкретным примерам. Так, статья, опубликованная в Интернет-журнале «Livejournal» от 3 ноября 2016 года, имеет заголовок «Теперь Россия не вымирающий друг, а могущественный враг». Данный текст посвящен проблеме формирования образа России и русского народа в

СМИ Финляндии. Автор утверждает, что финские журналисты в последнее время все чаще обвиняют Россию и русских в неприятностях и бедах Финляндии («..на днях финские журналисты заподозрили наших военных в скупке недвижимости в Финляндии – якобы русские покупают какое-то жильё для тайного размещения солдат.», «Вообще, на русских последние несколько лет натуральным образом вешают всех собак...», «Мы теперь понимаем, каково это - быть народом, который цивилизованные страны назначили ответственным за все их беды?»).

В заголовке антонимы «друг-враг» формируют такой тип антитезы, как акротеза. Слово «друг» с отрицательной частицей «не», употребляется в составе сочинительного ряда с противительными отношениями: соединяется со словом «враг» с помощью противительного союза «а», что позволяет подчеркнуть утверждение одного признака, через отрицание противоположного. Таким образом, автор статьи, указывая на контраст взаимоотношений между странами, подчеркивает, что они изменились в худшую сторону. В связи с этим, данную фразу можно интерпретировать так: Россия и Финляндия раньше были друзьями, теперь стали врагами.

Следует также добавить, что противоположность семантики лексических антонимов усиливается контекстуальной антонимией признаков: вымирающий-могущественный. Характеризующее слово «друг» определение, выраженное причастием, несет в себе семантику глагола «вымереть» (ВЫМЕРЕТЬ – 1. Полностью исчезнуть вследствие гибели, смерти. *Динозавры давно уже вымерли.* [Кузнецов 2000: 175]), указывающую на слабость, состояние предшествующее исчезновению. В свою очередь характеристика слова «враг», выраженная определением «могущественный», несет в себе семантику «силы» (МОГУЩЕСТВЕННЫЙ – могучий, мощный, сильный [Александрова 2008: 210]). В целом, образуется противопоставленность, которую можно интерпретировать так: слабый друг – сильный враг.

Таким образом, в заголовке данной статьи полные антонимы, организующие акротеzu, играют роль репрезентантов возникшего антагонизма между Россией и Финляндией.

Другим примером выражения национального антагонизма служит отрывок из текста листовок, размещенных на сайте livejournal.com от 22 апреля 2008 года. Данный текст посвящен делу Аракчеева и Худякова, русских пограничников, которых, по мнению автора, в результате судебных процессов незаконно осудили за убийство представителя чеченского народа. В нем содержится следующее высказывание: *«...после второго оправдательного приговора нынешний президент Чечни Рамзан Кадыров...заявил: «Присяжные не учли волю моего народа!» Кремлевский режим счел такое заявление правомерным. О волю русского народа, выразившуюся в решении двух судов присяжных, демонстративно вытерли ноги. Дело отправилось на рассмотрение в ростовский суд, который, по мнению режима, вынесет нужный, то есть обвинительный приговор».*

В данном отрывке иллюстрируется столкновение интересов русского и чеченского народов: несогласие с несколькими оправдательными приговорами президента Чечни, выражающего в соответствии со своим статусом мнение чеченского народа, было принято российскими властями. Прилагательное «правомерное», характеризующее отношение российской власти к заявлению Р. Кадырова, в толковых словарях русского языка трактуется так: ПРАВОМЕРНЫЙ – 2. Опирающийся на право, основанный на праве [Ожегов 2005: 577] ПРАВОМЕРНЫЙ – Законный, внутренне оправдываемый, совершаемый, производимый по праву, с полным правом [Ушаков 2015: 633]. То есть возражения чеченского народа, высказанные устами их президента, были восприняты как законные, несмотря на вынесенные судом присяжных приговоры, которые представляли мнение русского народа.

Из контекстуального анализа следует, что в данном отрывке содержится антитеза, которая на языковом уровне выражается через

противопоставление: учли волю чеченского народа – вытерли ноги о волю русского народа. Таким образом, автор подчеркивает, что российская власть отнеслась с вниманием к волеизъявлению одних (УЧЕСТЬ – 2.что. Принять во внимание [Ушаков 2015: 846]) и с пренебрежением к другим, что выразилось в использовании негативно оценочного фразеологического оборота «вытереть ноги» (ВЫТИРАТЬ НОГИ – (кто об кого) Намеренно унижать. Имеется в виду, что лицо или группа лиц (X) совсем не считается с другим лицом или с другой группой лиц (У), унижает их достоинство, всячески демонстрируя им своё превосходство и пренебрежение [Федоров 2008: 123]).

В авторской интерпретации признание российскими властями прав чеченского народа трактуется в данном фрагменте как унижение чести и достоинства русского народа, что указывает на антагонизм и принципиальную несовместимость интересов русского и чеченского народов в отношении данной ситуации. Средством выражения антагонизма в проанализированном отрывке является антитеза, в которой противопоставляется воля русского народа и воля чеченского народа по признаку отношения к ним российских властей. Автор данной статьи сознательно использует антитезу с целью убедить адресата, в данном случае российскую общественность, в том, что российская власть считает приоритетным мнение чеченского народа. Так, в сознании читателей формируется мысль о превосходстве прав одного этноса над другим, что неизбежно может привести к этническому конфликту.

Ярким примером проявления национального антагонизма на всех уровнях текста служит статья Льва Прозорова «Чья победа?» от 07.03. 2013г., опубликованная в интернет-издании livejournal. Для выявления лингвостилевых репрезентантов антагонизма в данном тексте необходимо провести лингвистический анализ.

Название статьи дано в форме вопроса, автор выстраивает текст в форме рассуждения, в ходе которого приходит к следующему выводу¹². Анализ данного отрывка показывает, что объектом вражды в тексте является еврейская нация.

Автор приходит к такому выводу и пытается убедить в этом читателя, приводя множество аргументов из художественной литературы, исторических документов, воспоминаний очевидцев и др., освещающих такое исторически значимое для российской истории событие, как Великая Отечественная война. Однако цель автора заключается не в том, чтобы ответить на поставленный вопрос. Цель автора выражена в последнем абзаце¹³, представляющем собой ряд парцелированных предложений побудительного характера, которые сводятся к периферийной форме выражения явного призыва (*надо выбирать...*). Из контекста статьи можно сделать вывод, что автор призывает читателей выбрать сторону русских националистов и разделить их идею борьбы с еврейским народом.

Ниже представлен анализ нескольких фрагментов. Так как автор не соблюдает закон тождества, прибегая для достижения цели к приему расширения тезиса, мы выбрали для данного анализа те фрагменты, которые лежат по своему содержанию в рамках указанного нами тезиса.

Как уже было сказано выше, в данном тексте содержатся лингвистические признаки возбуждения вражды в отношении еврейской нации. Кроме того, данный текст написан в публицистическом стиле и имеет

---

¹² «...на самом деле это победа не русских над немцами, даже не советских над Третьим рейхом. Это победа «третьего радующегося» над русскими, кровью которых было не просто залито восстание против хозяев и создателей Нового Мирового порядка, но и закрыта любая попытка подобного восстания – в особенности со стороны самих русских. Ведь это тот же «фашизм», победу над которым празднуют каждый год, память «жертв», коего чтят минутой молчания. Победа Моген-Шломо и Мавзоля не только и не столько над тевтонским «хакенкрейц», сколько над русской яргой-коловоротом. Победа Израиля – который, в отличие от «Советской Родины», жив, благоденствует и все еще получает контрибуции с побежденных немцев – над Локотовской Русью. И именно она празднуется 9 мая».

¹³ «кому-то дороже Маркс Бернес и Иосиф Кобзон («Этааат день пааабедыыыы!!!»)... но тут, право же надо выбирать. Или ты русский, или советский. Или коловорот-ярга, или осененная могоген-шломо чекистская блямба. Или былины, или Кобзон и бернес. Или Святослав и Дмитрий Донской, воевавшие за свободу белых людей от азиатско-еврейского ига, или полководцы Совдепа, клавишие миллионы русских во имя упрочнения этого ига. Или освободиться от морока 9 мая, дня победы евреев над русскими, или продолжать мутить себе и другим заклинания в стиле «незабудимнипрастим» на радость все тем же хозяевам».

огромный воздействующий потенциал за счет использования различных манипулятивных средств.

Утверждения о непропорциональном превосходстве еврейского народа над русским в материальном достатке, в социальной защищенности в военный период в Советском союзе содержатся в подобранных аргументах, в которых автор цитирует и интерпретирует воспоминания очевидцев, выдержки из публицистической литературы того времени, воспоминания политических деятелей.

Фрагмент 1.

Превосходство еврейского народа утверждается за счет использования антитезы в композиционной структуре текста, выраженной в противопоставленности русских и евреев по их социальному положению в Советском союзе до начала Великой отечественной войны. На языковом уровне антитеза выражается в ряде следующих противопоставлений:

1. Разрешение на проведение еврейских религиозных обрядов («...в Москве действовало три синагоги, сохранилось особое кладбище, и религиозное училище, а Моссовет занимался...выпечкой мацы...») – запрет на проведение русских (православных) религиозных обрядов (за *отмечание Пасхи с куличами или Масленицы с блинами даже в частных, домашних условиях, можно было в те годы схлопотать очень и очень серьезные неприятности*).

2. Социальная защищенность еврейского народа – наказание русского народа в виде смертной казни за проявление ненависти к евреям: («...за тот же 1939 год некто С. Познер с удовольствием сообщал: «На 8 всероссийском съезде советов Молотов (муж еврейки – примеч. Smelding) говорил о наличии в стране... антисемитских чувств, но от имени правительства он грозил за проявление их смертной казнью». Вот так, товарищи советские патриоты. Не арест, не штраф, не тюрьма, не каторга, наконец – СМЕРТНАЯ КАЗНЬ. Не за насилие, не за действия или призыв к оным – за ПРОЯВЛЕНИЕ ЧУВСТВ...»). В приведенном отрывке

автор также использует графическое выделение слов, лексический повтор и градацию, что указывает на эмоциональность речи и усиливает воздействующий эффект, закрепляя в сознании читателя негативный образ евреев.

Далее в тексте приводятся отрывки из воспоминаний очевидцев, которые отражают противопоставленность славян и евреев по их социальному положению в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны.

Фрагмент 2.

Автор акцентирует внимание на том, что во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны евреи занимали привилегированное положение, так как для государства были ценнее, чем русские. Аргументируя свою точку зрения, он при этом создает негативный образ еврейского народа. *«Но вот – 1941 год. Началась война. Немцы наступают. Из городов, к которым подходит победоносный вермахт, спешно вывозят заводы, ценности и... евреев».* Допуская осознанную речевую ошибку (нарушение объективного сходства сближаемых в ряду однородных членов предметов), автор сближает евреев с заводами и ценностями (материальными объектами), что указывает на его негативное отношение к евреям. Развивая свою мысль, Прозоров Л. вновь противопоставляет евреев и русских, описывая способы эвакуации и деятельность тех, кто остался в тылу. На языковом уровне использование антитезы выражается в следующих противопоставлениях: 1. Евреи эвакуировались «в поездах, в легковых и грузовых машинах» – русские эвакуировались «больше пешком или на «конячках»» («...двинулись «они» на Восток. В поездах, в легковых и грузовых машинах... Эвакуировались, конечно, и наши. Но другими способами – больше пешком или на «конячках»...»). 2. Евреи в тылу отдыхали – славяне в тылу работали («..древний дед объяснил мне, что все на работе, а в доме живут «якись биженци з Киева». Девять человек: трое мужчин, четыре женщины и двое подростков. По целым дням едят и спят, а вечером идут в кино и гулять. В

это время, шумно и весело вышли «беженцы», волоча огромный ковер, который они разостлали под большой грушей невдалеке от дома и расположились ставить самовар. Посмотрел – все «они»».)

Фрагмент 3.

Следующим аргументом, подтверждающим различия в положении евреев и русских в годы Великой Отечественной войны, автор приводит воспоминания своей матери. В данном фрагменте¹⁴ автор подчеркивает разницу в материальном положении, противопоставляя обеспеченность еврейской семьи и русской семьи советского офицера. Обобщение с использованием ироничной номинации «несчастные беженцы» и эпитета «нищее Прикамье» в предложении «...*матушка вспоминает примерно то же о жизни «несчастливых беженцев» в нищем Прикамье военных времен*» указывает на то, что, по мнению автора, различия в обеспечении еврейской и русской семей распространялись на всех. Прозоров Л. создает эффект контраста за счет использования антитезы, реализованной описательным рядом словосочетаний (у евреев - «вишневое варенье», «фабричные лыжи», «полный набор ручек и карандашей», «квартира»; а у русских – «листки бумаги», «огрызки служебных карандашей», «комнатушка барака»), содержащихся в конструкции с противительным союзом «а», и усиленной синтаксическим параллелизмом.

Фрагмент 4.

Продолжая развивать основную мысль, автор прибегает к такому манипулятивному приему, как нагнетание фактов. Для анализа данного фрагмента мы применили метод свертывания текста, который позволил выделить следующие неоднократно повторяющиеся утверждения:

---

¹⁴ «...*моя матушка вспоминает примерно то же о жизни «несчастливых беженцев» в нищем Прикамье военных времен. На столе у них стояло вишневое варенье (в деревне не знали, что такое сахар), дочка Фира, одноклассница матери, каталась на фабричных лыжах, ходила в школу с полным набором ручек и карандашей, а одноклассники писали на листках бумаги огрызками служебных карандашиков. Семья из безмужней матери и ее дочери снимала квартиру. Семья моего деда, фронтового офицера Советской армии, с пятью детьми, обреталась в одной комнатушке барака.»*

1. «...в начале войны евреи были одними из первых, кого эвакуировали из западных областей, находившихся под угрозой оккупации... Два миллиона евреев были таким образом спасены»;

2. «Советские власти принимали специальные меры (предоставили тысячи поездов) для эвакуации еврейского населения или для облегчения его стихийного бегства... всем евреям отдавалось преимущество при эвакуации... были эвакуированы государственные служащие и широкие массы евреев»;

3. «...по предписанию властей для эвакуации евреев предоставлялись все имеющиеся транспортные средства, а также... было приказано евреев эвакуировать в ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ»;

4. «Вывод: политика власти состояла в том, чтобы предоставить преимущества при эвакуации евреям».

Стоит также отметить, что автор умалчивает причины, по которым советская власть вела такую политику, в связи с чем данные утверждения о преимуществах положения еврейского народа по сравнению со всеми другими в годы Великой Отечественной войны могут интерпретироваться читателем как высказывания о превосходстве еврейской нации. Использование данного риторического приема, усиленного лексическими повторами, позволяет укрепить в сознании читателей негативное отношение к еврейскому народу через противопоставление его русскому народу как униженной нации.

Последний абзац в данном фрагменте *«Ни детдома, ни больницы, ни музеи в списки первоочередной эвакуации не попали. Кто-то выбирался, как мог, из-под траков наступающего вермахта, из-под бомб. А кто-то не смог. Национальность подкачала»* содержит ряд предложений, связанных с помощью парцелляции, последнее из которых указывает на причины произошедших событий, описанных выше. Данная информация выражена глаголом «подкачала» (ПОДКАЧАТЬ – 2. Разг. Оказаться неудачным, непригодным *Здоровье подкачало* [Кузнецов 2000: 867]) и имплицитно

содержит объяснение бедствий и неблагополучия неевреев в годы Великой Отечественной войны существованием еврейского народа.

Кроме того, условно весь фрагмент можно разделить на две части: в первой описывается положение евреев во время эвакуации, во второй – судьба неевреев (включая детей и больных) во время эвакуации. Композиционно обе части противопоставлены друг другу, антитеза на языковом уровне выражена в противопоставлениях: для эвакуации евреев принимались специальные меры, предоставлялись все имеющиеся транспортные средства – неевреи выбирались кто как мог, кто-то не смог.

Таким образом, риторический прием нагнетания фактов, служащий для усиления негативного образа еврейского народа в сознании читателя, и антитеза при описании положения евреев и неевреев в период эвакуации являются в данном тексте способами выражения антагонизма на уровне композиции и образной системы.

Фрагмент 5.

Следующим этапом в рассуждении автора анализируемого нами текста является пересказ¹⁵ воспоминаний актера и публициста Дикого А. с последующим комментарием. Прозоров Л. вновь противопоставляет евреев и славян по признаку отношения к ним Советской власти, используя антитезу, реализующуюся в оппозиции (*«Советская власть» спасала свой любимый народ – тысячи славян бросала в мясорубку Западного фронта, оставляла семьи славян под бомбами и угрозой оккупации»*) и основанной на группе контекстуальных антонимов, выраженных глаголами «спасала» - «бросала, оставляла», и с помощью синкризиса - противопоставления образных номинаций: «*любимый народ*» (евреи) - *толпы «граждан второго класса»* (неевреи).

---

¹⁵ «А. Дикий, рассказывая об этом, признает, что не все славяне были довольны тем, что, бросая тысячи славян в мясорубку Западного фронта, оставляя их семьи под бомбами, под угрозой оккупации, «Советская власть» спасала свой любимый народ. «Можно было из толпы «граждан второго класса», то есть неевреев, слышать слова негодования и угрозы. Но представители правящего класса, которые распоряжались эвакуацией, делали вид, что ничего не слышат или пытались ласковыми уговорами успокоить протестующих. Ой ли? Ласковыми уговорами? Это в военное время – за проявление тех самых чувств, за которые еще в мирном 39 советская власть грозила расстрелом?».

Фрагмент 6.

Данный фрагмент представляет собой интерпретацию¹⁶ эпизода из книги Емельянова В.Н. «Десионизация», сделанную автором статьи. Во фрагменте выстраивается картина мира, где евреи являются «хозяевами», на которых не распространяются законы советского периода, что вновь указывает на транслируемое автором превосходство еврейского народа над неевреями.

Кроме того, в этом фрагменте Прозоров Л. впервые разграничивает русский и советский народ. Номинация, используемая автором, отражает его отношение ко всем действующим лицам (евреи – «хозяева»; представители советской власти – «сталинские соколы в фуражках с малиновыми околышами», палачи; рабочие – «советские люди», «несообразительные рабы», «несчастные совки»; русские – «кричащие, что власть большевиков вот-вот кончится» - т.е. те, кто был не согласен с советской властью) и позволяет выявить ряд лингвостилевых репрезентантов антагонизма.

Так, исходя из контекстуального и семантического анализа, мы выделили противопоставленность между евреями и советскими рабочими, выраженную в использовании синкризиса («хозяева» – «несообразительные рабы»), а также антитезу, реализовавшуюся в противопоставлении:

---

¹⁶ «...Отряд рабочих-дружинников, добровольно помогавший «органам» в охране правопорядка в военной столице, задержал еврейское семейство, на нескольких грузовиках покидавшее столицу. Москва еще не была объявлена к эвакуации, документов на разрешение выехать из города евреи не имели, равно как и документов, удостоверяющих их права собственности на вывозимые ценности. Казалось бы, все кристально ясно. Саботаж, дезертирство, мародерство. За каждое из этих деяний в отдельности, не говоря про совокупность, рабочие не то, что имели право – обязаны были препроводить все семейство к ближайшей стеночке. Однако... ведь «свои», «советские» люди! Это русского, кричащего, что власть большевиков вот-вот кончится, рабочие бы расстреляли без рассуждений. А тут... кто-то из несчастных совков озарился «светлой» идеей – позвонить в НКВД, мол, там разберутся. Позвонили. И те действительно разобрались. Не прошло и минуты, как подлетели на машине сталинские соколы в фуражках с малиновыми околышами. Обезоружили рабочих. Уложили их лицами вниз на пригорочек. И хладнокровно прострелили затылки. После чего откозыряли евреям, и они разъехались – палачи – на Лубянку, в здание, от которого иных беспамятных потомков их жертв прет не по-детски, а ХОЗЯЕВА – куда и ехали: «бедовать» с вареньем и лыжами в голодные деревни Приуралья или какого другого глубокого тыла. А несчастные несообразительные рабы остались остывать на пригорке. Таковы уж были порядки страны, которую наши деды защищали – и защитили – ценою двадцати миллионов жизней. Любопытно, кстати, включили ли в эти двадцать миллионов тех пятерых рабочих – и других, имевших неосторожность открыто «проявить чувства», караемые в стране советов смертью?»

вседозволенность евреев - наказание советских рабочих за проявление антисемитских чувств (по признаку отношения власти), которое реконструируется из контекста анализируемого фрагмента, а также всей статьи и выражается следующим образом:

1. в ряде связанных с помощью парцеллирования предложений *«Не прошло и минуты, как подлетели на машине сталинские соколы в фуражках с малиновыми околышами. Обезоружили рабочих. Уложили их лицами вниз на пригорочек. И хладнокровно прострелили затылки. После чего откозыряли евреям, и они разъехались...»*, содержащих глагольные формы, приобретающие в контексте антонимичность (*«обезоружили рабочих»*, *«уложили их»*, *«прострелили затылки»* – *«откозыряли евреям»*).

2. в парцеллированной синтаксической конструкции, связанной противительным союзом «а» (*«они разъехались... ХОЗЯЕВА – куда и ехали: «бедовать» с вареньем и лыжами в голодные деревни Приуралья или какого другого глубокого тыла. А несчастные несообразительные рабы остались остывать на пригорке»*), где также содержатся контекстуальные антонимы, выраженные глаголами: евреи *разъехались «бедовать»* (ирония) - рабы (советские рабочие) *остались остывать*, – и усиленные синтаксическим параллелизмом

Таким образом, аргумент автора направлен на то, чтобы доказать, что еврейский народ имел преимущество перед славянами в годы войны, что привело большое количество последних к гибели. Интерпретируя эпизод из книги «Десионизация», автор использует синкрисис и антитезу, противопоставляя евреев и советских рабочих по признаку отношения к ним «Советской власти» и их положения в описанной ситуации, с целью убедить читателя в том, что причиной бед советского народа в годы Великой Отечественной войны являются евреи и еще раз подчеркнуть антагонизм, непримиримость интересов евреев и неевреев.

Фрагмент 8.

Во фрагменте 8¹⁷ автор использует манипулятивный прием переворачивания информации, который направлен на усиление негативного восприятия еврейской нации в сознании читателя. Так, единственное утверждение автора, положительно характеризующее еврейский народ (*«Разумеется, не все евреи эвакуировались. Некоторые защищали свою советскую родину»*), приобретает негативный оттенок в последующих предложениях за счет повторного перечисления негативных фактов (*«Еще бы не защищать страну, где твоя родня вывозится на поездах и авто в первую очередь; в страну, в которой поднявшему на тебя голос рабу лепят пулю в затылок»* - выделено с помощью логической операции свертывания текста), выраженных в форме экспрессивных утверждений, данных в структуре восклицательных предложений, выстроенных по принципу синтаксического параллелизма. А также за счет использования разговорной усилительной частицы «еще бы», вносящей оттенок осуждения при невыполнении действия, описанного в восклицательном предложении (ЕЩЁ БЫ – *част. 2. Было бы нехорошо, неверно, непонятно, если бы. Еще бы ты был недоволен!* [Кузнецов, 2000: 298]).

Кроме того, последние три предложения фрагмента содержат информацию о том, что большинство евреев, оставшихся защищать Родину, также имели преимущество перед неевреями. В предикативной конструкции (*«заметное количество «защищало» в особых условиях»*) сказуемое, выраженное глаголом, взято в кавычки, с целью подчеркнуть противоположность утверждаемого действия (использование иронии), а определение «особые» характеризует обстоятельство выполнения действия

---

¹⁷ *«Разумеется, не все евреи эвакуировались. Некоторые защищали свою советскую родину. Еще бы не защищать страну, где твоя здоровая и способная ходить самостоятельно родня со всеми вещами вывозится на поездах и авто за государственный счет из города, к которому подходит враг, в первую очередь, раньше музеев, детдомов и больниц! Еще б не защищать страну, в которой поднявшему на тебя голос – не руку! – рабу лепят пулю в затылок! Не было тогда другой такой страны на свете! Как там в том же «Цирке» – «Я другой такой страны не знаю». Святая правда, кстати. Вот только некоторые – причем заметное количество – «защищало» родину в особых условиях. Слово тому же Галенко: «Санчасть, снабженцы, политруки – все большие «они». А там, где «стреляют», там их – ни-ни».*

(ОСОБЫЙ – 1. Не похожий на других, не такой, как все; необычный, особенный. *Быть в особых условиях* [Кузнецов, 2000: 731]). Последующие предложения поясняют данную информацию, указывая на то, что большая часть евреев занимала сравнительно безопасные должности и не участвовала непосредственно в боях («Санчасть, снабженцы, политруки – все больше «они». А там, где «стреляют», там их – ни-ни»).

Таким образом, данный фрагмент завершает одну из логических частей всей статьи, где автор, обращаясь к различным источникам, интерпретирует собранные воспоминания участников Великой Отечественной войны с целью сформировать в сознании читателя негативный образ еврейского народа, подчеркивая его превосходство и вытекающий из этого антагонизм между ним и неевреями (русскими, славянами). Анализ языковых средств на данном этапе показал, что основными лингвостилевыми репрезентантами антагонизма являются на лексическом уровне - контекстуальные антонимы, и синкрисис, на уровне образной системы и композиции – антитеза, усиленная лексическими повторами и синтаксическим параллелизмом.

Следующим этапом в рассуждениях автора является анализ последствий Великой Отечественной войны для еврейского и русского народов. Логическим переходом здесь служит побудительное предложение: «Теперь давайте определим, кто и что получил в результате «великой победы»», в котором автор заранее выражает ироническое отношение к предмету речи, заключая словосочетание «Великая победа» в кавычки и не используя прописную букву, тем самым указывая на его употребление в противоположном значении. В последующих четырех предложениях¹⁸ содержится скрытое утверждение, выраженное рядом парцелированных

---

¹⁸ «Итоги войне подвел знаменитый Нюрнбергский процесс. «А судьи кто»? русские, умиравшие в голодном Ленинграде, погибавшие в аду Сталинграда и Курской дуги? Украинцы, которых угоняли в Германию поездами? Белорусы, чьи деревни жгли зондер-команды? Поляки? Чехи? Какое там...»

риторических вопросов о том, что решения, вынесенные на Нюрнбергском процессе, принадлежали не русским, не украинцам, не полякам, не чехам, не белорусам, которые пострадали в годы войны. Здесь же автор ставит вопрос, который является тезисом в новом витке рассуждения: «А судьи кто?», - прибегая к приему аллюзии - цитируя вопрос Чацкого из комедии Грибоедова А.С. «Горе от ума». В последующих фрагментах автор статьи отвечает на данный вопрос.

Фрагменты 10,11.

Анализ данного фрагмента показал, что Прозоров Л. вновь прибегает к манипулятивному приему нагнетания фактов, сопровождающихся ссылкой на источник (высказывания юристов, отказавшихся от участия в судебном процессе) с целью дискредитировать законность и объективность Нюрнбергского процесса. С помощью логической операции свертывания текста мы выделили следующие утверждения:

1. *Члены прокуратуры вместо применения юридических норм ведения процесса занимались в основном преследованием личных амбиций и мщением.*

2. *90 % представителей администрации Нюрнбергского трибунала были не объективны и поддерживали обвиняющую сторону по политическим или расовым причинам.*

3. *60 % персонала прокуратуры относились к немецким евреям, эмигрировавшим после принятия расовых законов в Германии, евреями было большинство свидетелей.*

4. *Судьи Нюрнбергского процесса систематически применяли жесточайшие телесные пытки, под которыми рождались «признания» и «показания» (Автор берет слова в кавычки, дабы указать на ложность утверждаемого).*

5. *Свидетели еврейского происхождения соревновались друг с другом в новых сказаниях об ужасах Освенцима, где, мол, уничтожали по*

шесть тысяч людей в день! Нет, двадцать четыре тысячи! Нет, еще больше! Мыло из человеческого жира! Абажуры из кожи!

(автор использует такой прием, как градация, выстраивая восклицательные номинативные предложения, характеризующие «ужасы Освенцима», в последовательном порядке повышения смысловой значимости, доводя смысл утверждения до абсурда, с целью усилить эмоциональное воздействие на читателя и сформировать в его сознании недоверие к словам свидетелей Нюрнбергского процесса. Этой же цели служит использование словосочетания «соревновались в сказаниях», вместо уместного «давали показания», что умаляет значимость слов свидетелей, за счет переноса действия из юридической сферы в фольклорную, а также использование разговорной частицы «мол»).

б. *Наиболее обсуждаемой темой был «геноцид евреев»* (информация, содержащая в структуре риторического вопроса, данная в форме экспрессивного утверждения).

Перечислив вышеуказанные факты, автор делает следующий вывод: *«В Нюрнберге побежденных судили евреи на основании еврейских показаний, за «преступления» против евреев. И, как апофеоз, казнили приговоренных в день религиозного праздника иудеев Пурим».* Использование однокорневых слов с семой «еврей», расположенных в ряду высказываний, выстроенных по принципу градации, создает в сознании читателя убеждение в односторонности, а значит необъективности вынесенного приговора на Нюрнбергском процессе. Завершает данный фрагмент предложение: *«Так кто победил в этой войне?»* - автор использует риторический вопрос, подталкивая читателя к ответу, прибегая к манипулятивному приему выводного знания, осуществляющемуся за счет градуального перечисления фактов, указывающих на субъект действия (евреи).

Следующий фрагмент логически связан с предыдущим и продолжает представленный нами в выводе по фрагменту 10 градуальный ряд

высказываний, данных в форме утверждения и подталкивающих читателя к выгодному автору выводу:

- *«Дату взятия Берлина определил своим распоряжением Л. Мехлис»* (фамилия еврейского происхождения). Следует отметить, что здесь наблюдается искажение информации (общеизвестный факт - дату назначил И.В. Сталин, подписав директиву о Берлинской наступательной операции);
- *«...водружали флаг с пятиконечной звездой, «щитом Соломона», над рейхстагом СЕРЖАНТ-КАВКАЗЕЦ Кантария и РЯДОВОЙ-РУССКИЙ Егоров. Все «на своих местах» по советскому ранжиру – еврей наверху, кавказец в середине, и русский внизу».*

В данном высказывании автор сопоставляет знамя СССР, одним из элементов которого является пятиконечная звезда, с евреями по признаку сходства «советской звезды» с еврейским символом «щит Соломона» и, прибегая к приему синтаксического параллелизма, выстраивает нисходящий градуальный ряд этнических номинативов, ставя в крайние точки оппозиции евреев и русских, тем самым еще раз подчеркивая превосходство и значимость еврейского народа над русским в рамках конструируемой автором в статье картины мира, и указывая на малозначимость русского народа («по советскому ранжиру»), ставя его после кавказцев.

Фрагмент 12.

Здесь автор, продолжая развивать свою мысль, вновь обращается к такому приему, как антитеза, проявляющуюся за счет синтаксического параллелизма на уровне композиции. Противопоставляются два сверхфразовых единства, содержащих оппозицию «евреи – русские» по ряду признаков:

1. противопоставление евреев и русских по наличию – отсутствию национального государства, выражается в антонимичных глагольных конструкциях (*евреи получили своё национальное государство Израиль – русские не имеют своего национального государства до сих пор*);

2. противопоставление евреев и русских по наличию – отсутствию выплат контрибуции на языковом уровне выражается в контекстуальных антонимических конструкция (*Израилю до сих пор платит дань Германия – Россия не получала от Германии ничего, более того, Германия всерьез заводит речь о «реституциях»*). Здесь стоит отметить, что Прозоров Л. вновь прибегает к манипулятивному приему. Данный прием – конструирование информации – сводится к выдумыванию фактов (Германия выплачивала контрибуцию России вплоть до 2010 года) и используется автором с целью усилить негативное отношение к еврейскому народу в сознании адресата через утверждение о превосходстве еврейского государства и создании образа русского народа, терпящего всевозможные лишения в результате Великой Отечественной войны, чему служит также используемое автором высказывание о том, что русские, как народность, испытывают притеснения в большей мере, чем все остальные народы, входящие в понятие «субъекта Российской государственности»¹⁹.

В следующем абзаце автор продолжает рассуждать о положении евреев и русских, как этносов, после окончания Великой Отечественной войны. Автор прибегает к антитезе, выраженной в противопоставлении: *евреи, как нация, получили нравственное право отстаивать свою уникальность и независимость – проявление национализма «белых людей» (к коим автор причисляет и русских) стоит вне закона (приравнивается к «фашизму»)*. Данное противопоставление лексически выражается в контекстуальных антонимах «евреи» – «белые люди», «неевреи»; основой же является антитеза образов, восстанавливаемая читателем из контекста. Так, право евреев на защиту своего национального достоинства интерпретируется в рамках развернутой метафоры *«великолепная дубинка, которой можно лупцевать по башке любое проявление так называемого*

---

¹⁹ «Согласно конституции, субъектом Российской государственности является «многонациональный российский народ». Русский национализм – едва ли не единственный национализм, преследуемый в России».

«фашизма»» (слово «фашизм» употребляется автором не в прямом значении, а в обобщенном значении, распространенном в СССР с середины 40-х годов XX века, включающем в себя любые негативные действия, направленные против какой-либо нации, народности). В свою очередь, противопоставление русских евреям по указанному признаку, реализуется в ряде предложений, выстроенных по принципу синтаксического параллелизма (*«Свастика, ставшая русским государственным символом в 1917 году и века до того украшавшая русские вышивки, здания и утварь, у нас вне закона. Национальный вопрос у нас вне закона. Право национального большинства на защиту от этнопришельцев у нас вне закона»*).

Фрагмент 13.

Данный фрагмент с точки зрения композиционной структуры является обобщенным выводом²⁰, в котором автор за счет использования антитезы на уровне системы образов создает эффект контраста, повторяя все, выделенные нами выше смысловые оппозиции, усиленные лексическими повторами и рядами однородных членов, выражающими превосходство еврейского народа над русским, и тем самым создает в сознании адресата выгодную автору квазиреальность, в которой на первый

---

²⁰ *«Подобьем бабки. В результате Второй мировой войны евреи получили национальное государство, дань от побежденных немцев и полный карт-бланш на любые действия, ибо любое осуждение евреев, повторяю, «фашизм». Побежденных судили евреи, за преступление против евреев, и казнили их в еврейский национальный праздник. Срок взятия столицы побежденной Германии определил еврей. Во время этой войны евреев эвакуировали первыми, а любое проявление недовольства их льготным положением могло быть наказано, и действительно каралось смертью. Страна, которая победила в этой войне фашистскую Германию, грозила смертной казнью любому «проявлению антисемитских чувств». И до, и после, и во время войны евреи составляли непропорционально большую долю элиты страны-победительницы, хотя доля их участия в боевых действиях не слишком заметна.*

Русские потеряли двадцать миллионов жизней, защищая государство, в котором они были и остаются гражданами второго сорта, являясь большинством населения. Едва ли не единственной благодарностью большевиков был... тост Сталина, который все так же умиляет наших патриотов. ТОСТ – в благодарность за ДВАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ЖИЗНЕЙ. Чуть-чуть маловато, не так ли? От генсека всемогущей компартии мы были бы вправе ожидать чего-то большего, чем удачный тост. Вот если бы он закрепил, скажем, роль русского народа в Советском союзе, как государствообразующего, законодательно, если бы принял законы, наказывающие за русофобию, как существовали законы, карающие за антисемитизм – вот тогда было бы хоть что-то, похожее на улучшение положения русских в стране, а не мимолетной благодарности диктатора.»

план выходит непримиримое столкновение интересов, антагонизм между русским и еврейским народами.

Таким образом, исходя из анализа статьи Льва Прозорова «Чья победа?», опубликованной в интернет-журнале livejournal, мы пришли к следующим выводам: в тексте присутствует поляризованное деление на МЫ- и ОНИ-группы. Под ОНИ-группой автор подразумевает представителей еврейской нации, которая является в данном тексте объектом языка вражды, используя следующую номинацию: «они», «евреи», «беженцы», «хозяева», «нерусские оккупанты», «мерзкие и ужасные Jude», «еврейская мафия». Из контекста статьи следует, что к МЫ-группе автор относит русских («славяне», «белые люди», «неевреи»), причисляя к ней и самого себя.

В статье формируется отрицательный образ еврейской нации, содержатся рассуждения о непропорциональном превосходстве еврейского народа над русским в материальном достатке, в социальной защищенности, представительстве во властных структурах в до- и послевоенный период и годы войны, а также содержится объяснение бедствий и неблагополучия русского народа в прошлом (в годы войны) и настоящем существованием и деятельностью еврейского народа. Все эти признаки характерны для среднего и мягкого языка вражды (по классификации информационно-исследовательского центра «Панорама», разработанной А.М. Верховским, Ю.В. Казаковым и др.).

Кроме того, специфика жанра данного медиатекста (аналитическая статья) позволяет автору статьи в ходе своего рассуждения, опираясь на исторические факты, использовать ряд манипулятивных приемов преобразования информации. Прозоров Л. использует селекцию (аргументы, которые указывают на предвзятое отношение советской власти к евреям во время Великой Отечественной войны), переворачивание (анализ фрагмента 8) и конструирование (утверждение о том, что Германия не выплачивает контрибуцию России, но выплачивает её Израилю), что позволяет говорить

об использовании тактики речевой демагогии в отдельных фрагментах текста.

Использование всех вышеуказанных приемов и средств обусловлены спецификой медиатекста, основная функция которого – воздействующая. В связи с этим можно утверждать, что автор данной статьи стремится создать в сознании адресата, коим является русскоязычное население, определенную квазиреальность, в которой евреи и русские находятся в антагонистических отношениях, где русский народ мыслится как «свой» и противопоставляется «чужому» народу – еврейскому. В ходе исследования мы выявили в анализируемом тексте следующий ряд лингвостилевых репрезентантов антагонизма: прямые и контекстуальные антонимы, функционирующие на лексическом уровне; такие стилистические фигуры, как синкрисис и антитеза, реализующиеся на уровне образной системы; а также антитеза, усиленная синтаксическим параллелизмом, обеспечивающая противопоставленность целых частей текста.

ВЫВОДЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

В данной главе нами была выявлена специфика современных медиатекстов, которая заключается в следующем.

1. В отличие от текста в классическом понимании медиатексты приобрели ряд признаков, позволяющих формировать в сознании массового адресата квазиреальность, транслируя те ценности, установки, стереотипы, которые выгодны адресанту. К ним относятся разнородность и смешение границ стилей и жанров, поликодовость, открытость для многочисленных интерпертаций, осуществление воздействия на аудиторию через информирование, убеждение и манипуляцию, ориентирование на различные сегменты массовой аудитории, возможность мгновенно установить обратную связь и др.

2. Перечисленные экстралингвистические факторы повлияли на свойства и функции медиатекста, расширяя их перечень. Наряду с основной

– воздействующей (можно даже сказать, программирующей) – современный медиатекст реализует диагностическую, моделирующую, информативную, экспликативную, интегративную и другие функции.

3. Однако современные медиатексты, играющие важную роль в процессе самоидентификации личности и регулировании взаимоотношений в социуме, далеко не всегда реализуют социально-культурные функции. Дисфункциональные в этом плане медиапродукты становятся благодатной сферой для проявления антагонизма и ксенофобии. К ним можно отнести тексты конфликтогенного характера социальной, религиозной, национально-этнической или смешанной направленности

В ходе анализа отобранного материала, мы установили:

- конфликтогенным медиатекстам религиозной и национально-этнической направленности присущ язык вражды, который характеризуется поляризованным делением на МЫ- и ОНИ-группы, наличием высказываний о превосходстве какой-либо группы над другой, а также утверждений о вине той или иной группы в бедствиях и неблагополучии настоящем и прошлом другой группы.

- Данные экстралингвистические факторы указывают на наличие антагонистических отношений между «своей» группой и «чужой» группой и имеют различные языковые способы выражения, проявляющиеся на разных уровнях текста, что позволило создать нам следующую классификацию:

1. На лексическом уровне лингвостилевыми репрезентантами антагонизма являются различные виды антонимов.

2. На уровне образной системы антагонизм выражается с помощью таких стилистических фигур, как антитеза (простая, сложная), синкрисис и акротеза.

3. На композиционном уровне антагонизм проявляется за счет текстовая антонимия, которая реализуется с помощью всех перечисленных

выше приемов и средств, усиленных синтаксическим параллелизмом, что позволяет противопоставить части целого текста.

- Следует также отметить, что использование манипулятивных приемов в медиатекстах в совокупности с указанными выше лингвостилевыми репрезентантами антагонизма усиливает воздействие адресанта на адресата и формирует в его сознании деструктивную картину мира.

Всё, выше сказанное, подтверждает мысль, сформулированную нами в гипотезе исследования,: современные медиатексты за счет использования лингвостилевых репрезентантов антагонизма приобретают, как правило, экстремистский потенциал и способствуют разжиганию межнациональной и религиозной вражды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе написания магистерской диссертации поставленная цель была достигнута и решены задачи исследования. Было доказано следующее.

Антагонизм, не являясь собственно лингвистическим термином, но характеризующий социальные отношения, изучается в рамках лингвистики, так как антагонистические отношения отразились в языковой картине мира древних людей, в частности древних славян, реализовавшись в противопоставлении СВОЙ-ЧУЖОЙ. Семиотический подход позволил ученым при анализе фольклора как области языкового проявления мифологического сознания древних славян выделить три основных плана реализации данной оппозиции: *социальный* («свой-чужой» по признаку принадлежности к социальной группе; «свой-чужой» / «старший-младший» / «мужской-женский» / «главный-неглавный» / «посвященный-непосвященный» и др., то есть как оппозиция двух частей одного социального коллектива), *этнический* (по признаку принадлежности к этносу, религиозно-ритуальной группе с учетом различий в традициях, обрядах и др.), *антропологический* («свой-чужой» как «человеческий-нечеловеческий, животный гибрид»), а также отдельно подчеркнув реализацию данной оппозиции в рамках интерпретации пространственных границ («свой-чужой» как «близкий-далекий», или «свое», связанное с «домом», т.е. «освоенное, чистое», а «чужое» - «неосвоенное, нечистое»). Такие ученые, как В.В. Иванов, В.Н. Топоров, А.Н. Афанасьев, Н.И. Толстой и др., отмечают, что все бинарные оппозиции, характерные для мифологического сознания, связаны синонимически и могут реализоваться посредством друг друга.

В рамках аксиологического подхода акцент делается на изучении проявления оппозиции СВОЙ-ЧУЖОЙ через противопоставление ХОРОШИЙ-ПЛОХОЙ. Так, А.Б. Пеньковский, анализируя материал, охватывающий XIII–XIX вв., прослеживает связь данных оппозиций на

семантическом и грамматическом уровнях и выдвигает гипотезу о пейоративном отчуждении, основанном на генерализующем обобщении, в отношении «чужого» мира.

Во-вторых, проблема изучения оппозиции СВОЙ-ЧУЖОЙ стала особо актуальной для современной лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики и семиотики, когда такие ученые, как Н. Бор, В. Гейзенберг, Ю.М. Лотман, К. Левви-Стросс, В.П. Руднев и др., указали на связь мифологического сознания древних людей с современным массовым сознанием, проявившуюся в сохранении набора одних и тех же архитектурных структур, составляющих бинарные оппозиции, через которые осмысливается мир.

Признание Ю.С. Степановым концептуальной оппозиции СВОЙ-ЧУЖОЙ как одной из базовых единиц языковой картины мира, в том числе русской, оказало немалое влияние на изучение способов выражения данного противопоставления в языке. Так, по мнению Балясниковой О.В., оппозиция «свой-чужой» может быть выражена на разных уровнях языка: в семантике лексических единиц, в синтагматике и в семантике предложения.

Особое внимание изучению оппозиции СВОЙ-ЧУЖОЙ уделяется также в рамках теории межкультурной коммуникации, где дается наиболее полная классификация значений, присущих понятиям «свой» и «чужой».

Таким образом, в настоящее время исследование оппозиции СВОЙ-ЧУЖОЙ, как формы проявления антагонизма в языковой картине мира, является актуальной проблемой для различных направлений в лингвистике.

Также немаловажным основанием для изучения антагонизма в лингвистике является наличие общей семы «противоположность» как в самом понятии «антагонизм», так и в ряде лингвистических понятий, таких как «антонимия», «антонимичность», «контраст», лежащий в основе явления антонимии. Было установлено, что в научно-теоретических исследованиях посвященных теории антонимии, существует несколько подходов к осмыслению функций антонимов: в зависимости от типа текста, его стиля и

жанра выделяются стилистические, семантические, информационная и экспрессивная функции, воздействующие функции, а также текстообразующие функции.

Такая многофункциональность антонимов дала толчок к развитию теории антонимии. Проведенный нами анализ научных работ современной лингвистики, посвященных вопросам антонимии, показал, что противопоставленность элементов может реализовываться на разных уровнях языка: лексическом, грамматическом, синтаксическом и даже текстовом. Кроме того, способность различных языковых элементов проявлять антонимичность в рамках определенного контекста расширяет возможности репрезентации антагонизма в тексте.

Также следует обратить внимание на стилистические фигуры, основанные на использовании антонимов, такие как простая и сложная антитезы и её разновидности: синкрисис, аллойоза, а также амфитеза, диатеза и акротеза, которые могут усиливаться за счет корневых повторов и синтаксического параллелизма.

Разносторонне рассмотрение лингвостилевых средств, основанных на противопоставлении, и их функционирования в тексте позволило нам выработать следующую классификацию, выстроенную по принципу реализации оппозиций на разных уровнях текста:

- 1) на лексическом уровне противопоставленность реализуется с помощью различных видов антонимов;
- 2) противопоставленность образов достигается с помощью таких стилистических фигур, как антитеза (простая, сложная), синкрисис, аллойоза, амфитеза, диатеза и акротеза;
- 3) на композиционном уровне может возникать текстовая антонимия, которая реализуется с помощью всех перечисленных выше приемов и средств, усиленных синтаксическим параллелизмом, что позволяет противопоставить части целого текста, и другими различного рода повторами.

Как уже было отмечено выше, функционирование выделенных нами языковых приемов и средств обусловлено типом, стилем и жанром текста. В связи с этим, важным этапом в нашем исследовании стало изучение трудов, посвященных медиатексту.

Мы выявили и описали основные признаки медиатекста, отличающего его от других типов текста. К ним относятся разнородность и смешение границ стилей и жанров, поликодовость, вторичность текста, смысловая незавершенность, открытость для многочисленных интерпретаций, осуществление воздействия на аудиторию через информирование, убеждение и манипуляцию, ориентирование на различные сегменты массовой аудитории, возможность мгновенно установить обратную связь, а также особый тип автора и ориентированность на массового адресата. Главной же особенностью ученые считают способность медиапродуктов (в том числе текстов) конструировать в сознании адресата такую картину мира, которая выгодна адресанту, то есть заменять объективную реальность на квазиреальность, предлагаемую как единственно возможную.

Нами были описаны различные подходы к изучению функций и языка медиатекста в аспектах когнитивной лингвистики и психолингвистики, в аспекте интегративного подхода, актуализирующего семиотический аспект языка масс-медиа, а также в рамках социокультурной лингвистики. Наряду с традиционными были рассмотрены такие функции медиатекста, как диагностическая, моделирующая, информативная, экспликативная, интегративная, синергитическая и регулятивная.

Особое внимание мы уделили социально-культурным функциям и дисфункциям медиатекста. Опираясь на исследования Ю.А. Домбровской, мы обнаружили, что медиатексты могут реализовать такие дисфункции, как социально-культурная дезинтеграция (десоциализация), негативная социокультурная и личностная идентификация, дискриминация отдельных общностей (негативная «Я-концепция» человека), понижение уровня общественной культуры сознания и поведения, дезинформация и искажение

общественных представлений о социально-культурной реальности. Это позволило нам утверждать, что проявление антагонизма в медиатекстах является одним из факторов, влияющий на реализацию в той или иной мере всех выше перечисленных социально-культурных дисфункций.

Практическая часть нашего исследования заключалась в анализе конфликтогенных медиатекстов религиозной, национально-этнической и смешанной направленности, с целью выявить лингвостилевые репрезентанты антагонизма. Так, мы обнаружили в анализируемых медиатекстах признаки языка вражды, к которым относятся 1) поляризованное деление на МЫ- и ОНИ-группы, отражающее семиотическую оппозицию «свой-чужой»; 2) наличие высказываний о превосходстве какой-либо группы над другой; 3) утверждения, объясняющие бедствия и неблагополучие в настоящем и прошлом одной группы существованием и целенаправленной деятельностью другой группы; 4) высказывания об изначальной враждебности определенной группы по отношению к другой. Данные экстралингвистические факторы указывают на наличие антагонистических отношений между «своей» группой и «чужой» группой и имеют различные языковые способы выражения, проявляющиеся на разных уровнях текста, что позволило создать нам следующую классификацию:

- 1) на лексическом уровне лингвостилевыми репрезентантами антагонизма являются системные и контекстуальные антонимы;
- 2) на уровне образной системы антагонизм выражается с помощью таких стилистических фигур, как антитеза (простая, сложная), синкрисис и акротеза;
- 3) на композиционном уровне антагонизм проявляется за счет текстовой антонимии, которая реализуется с помощью всех перечисленных выше приемов и средств, усиленных различного рода повторами и синтаксическим параллелизмом, что позволяет противопоставить части целого текста.

Следует также отметить, что использование манипулятивных приемов в медиатекстах в совокупности с указанными выше лингвостилевыми репрезентантами антагонизма усиливает воздействие адресанта на адресата и формирует в его сознании деструктивную картину мира.

Выводы, полученные в ходе исследования, подтвердили выдвигаемую нами гипотезу. Лингвостилевые репрезентанты антагонизма в совокупности с другими экстралингвистическими факторами актуализируют экстремистский потенциал медиатекста, что способствует разжиганию межнациональной и религиозной вражды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов [Текст] / З.Е. Александрова. – 16-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз.-Медиа; Дрофа, 2008. – 564 с.
2. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ [Текст] / И.В. Анненкова. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2011. – 392с.
3. Артамонова, Ю. Д., Кузнец, В. Г. Герменевтический аспект языка СМИ [Текст] / Ю. Д. Артамонова, В. Г. Кузнец // Язык средств массовой информации. - М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. - 99-118 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. [Текст] / Н. Д. Арутюнова; изд. 4, испр. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 895 с.
5. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и глав. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
6. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. [Текст] / Ш. Балли. - М.: Изд-во иностр. лит., 1955. - 416 с.
7. Бельчиков, Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. – 208 с.
8. Боева, Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: монография [Текст] / Н.Б. Боева. – М.: Готика, 2000. – 159 с.
9. Боева, Н.Б. Роль антонимических оппозиций в создании текстов, организованных по принципу контраста [Текст] / Н.Б. Боева // Язык. Дискурс. Текст: матер. межд. науч. конф., посв. юбилею проф. В.П. Малащенко. - Ростов н/Д: РГПУ, 2004. – 6-9 с.
10. Боева-Омелечко, Н.Б. (Боева). Антонимы-социолнгвизмы в современном художественном произведении [Текст] / Н.Б. Боева-Омелечко // Русское культурное пространство: матер. XVI междунар. научно-практ. конф. - Выпуск 4. - в 2-х томах. - том 1. - М.: «Перо», 2015. – 244-248 с.

11. Боева-Омелечко, Н.Б. (Боева). Индивидуально-авторская антонимия как проявление лингвокреативного потенциала личности [Текст] / Н.Б. Боева-Омелечко // Личность и модусы её реализации в языке: кол. монография. - Иркутск: Ин-т языкозн. РАН, 2008. – 159-187с .
12. Боева-Омелечко, Н.Б. (Боева). Лексическая, грамматическая и текстовая антонимия в современном английском и русском языках [Текст]/ Н.Б. Боева-Омелечко. - Ростов-н/Д: ИПО ЮФУ, 2012 - 160 с.
13. Боева-Омелечко, Н.Б. (Боева). Textoобусловленная антонимия в художественном тексте / Н.Б. Боева-Омелечко // Язык, культура, речевое общение: Матер. межд. науч. конф.: в 2-х частях. - Часть 1. - М.: МПГУ, 2013. – 50-57 с.
14. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 2. - изд. 3. [Текст]/ под ред. А. М. Прохорова и [др.]. - М.: Советская энциклопедия, 1970. - 632 с.
15. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы [Текст]/ под ред. Бабенко Л.Г. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
16. Бондарко, А.В. Грамматические категории и контекст [Текст] / А.В. Бондарко. - Л.: Наука, 1977. - 115 с.
17. Ващенко, Е.А. Контраст как средство воздействия в англоязычных научно-популярных психологическом и психотерапевтическом субдискурсах: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.А. Ващенко. - Ростов-н/Д, 2016. - 175 с.
18. Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка [Текст]/ Л.А. Введенская. - Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – 544 с.
19. Волков, А. А. Филология и риторика массовой информации [Текст]/ А.А. Волков // Язык средств массовой информации. - М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. - 118-132 с.
20. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь–справочник / ред. А.П. Сковородников. – 3-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 480 с.

21. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие [Текст] / И.Б. Голуб. - М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. - 448 с.
22. Грушевицкая, Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов [Текст]/ под ред. А.П. Садохина. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. - 352 с.
23. Демьянков, И.В., Демьянков, В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структура представления знаний. – М., Ин-т науч. инф. по общ. наукам РАН, 1992. – 163 с.
24. Домбровская, А.Ю. Социокультурные функции медиатекста [Текст] / А.Ю. Домбровская // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография. – Орел: Горизонт, 2010. – 128-138 с.
25. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. [Текст]/ М.Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
26. Завьялова, В.М. Антонимы [Текст] / В.М. Завьялова. — М.: Высш. шк., 1969. - 245 с.
27. Иванова, В.А. Антонимия в системе языка [Текст] / В.А. Иванова. - Кишинев: Штиинца, 1982. - 285 с.
28. Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие. [Текст] / О.С. Иссерс.; изд. 3., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 240 с.
29. Каминская, Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: автореф. дис. ... докт. филол. наук. [Текст] / Т.Л. Каминская - СПб.: СПбГУ, 2009.- 284 с.
30. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. [Текст]/ С.Г. Кара-Мурза.- М.: Эксмо, 2003. – 831с.
31. Комплексный словарь русского языка [Текст]/ Тиханов А.Н. и др./ под ред. Тихонова А.Н. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2007. – 1229 с.
32. Комиссаров, В.Н. Семантическая характеристика слов-антонимов: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В.Н. Комиссаров. - М., 1961. - 258 с.

33. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. [Текст]/ Г.А. Копнина.; изд.2. – М.:Флинта, 2008. – 176 с.
34. Копнина, Г.А. Отклонение от онтологической нормы как риторический прием. [Текст]/ Г.А. Копнина.//Русская речь. – М.: Флинта, 2005. – 45-51с.
35. Корюкина, Е.С. Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е.С. Корюкина — Нижний Новгород, 2014. - 202 с.
36. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной стилистики [Текст] / В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
37. Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности [Текст] / Е.С. Кубрякова, Л.В. Цурикова // Язык средств массовой информации. - М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. - 183-209 с.
38. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст]/ пер. с англ. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. // Дж. Лайонз. -М.: Прогресс, 1978. - 543 с.
39. Лапин, Д.В. Развитие поликультурного информационно-коммуникативного пространства крупнейшего города: дисс. ... канд. соц. наук / Д.В. Лапин. – Новосибирск, 2016. – 243 с.
40. Леонтьев, А.А. Психология воздействия в массовой коммуникации [Текст] / А.А. Леонтьев // Язык средств массовой информации. - М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. - 133-145 с.
41. Львов, М.Р. К вопросу о типах лексических антонимов [Текст] / М.Р. Львов // Рус. яз. в шк. - 1970. - № 3. – 71-76 с.
42. Львов, М.Р. Опыт систематизации лексических антонимов [Текст] / М.Р. Львов // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. - Пермь: ПГПИ, 1972. – 307-311 с.
43. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка [Текст] / М.Р. Львов. – М.: Русский язык, 1994. – 384 с.

44. Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография [Текст] / под ред. Л.И. Гришаевой, А.Г. Пастухова, Т.В. Чернышовой. – Орёл: Горизонт, 2010. – 226 с.
45. Милютина, М.Г., Кашицына, Е.Г. Особенности организации антонимической системы в прозе М.И. Цветаевой [Текст] / М.Г. Милютина, Е.Г. Кашицына // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. история и филология. - 2012. - № 5-2. – 127-134 с.
46. Мисонжников, Б.Я. Типология: трудный поиск новой парадигмы (вместо предисловия) [Текст] / отв. Ред. Б.Я. Мисонжников // Типология печати: проблемы теории и практики: материалы науч.-практич. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов» (12 марта 1998 года Санкт-Петербург). – СПб.: СПбГУ, 1999. – 3-15 с.
47. Москвин, В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. [Текст] / В.П. Москвин.; изд. 3. - Ростов н/Д.: Феникс, 2007. - 102 с.
48. Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований [Текст] / М.М. Назаров. – М.: УРСС, 1999. – 240 с.
49. Новиков, Л.А. Антонимия [Текст]/ Л.А. Новиков // Энцикл. «Русский язык». - М.: Большая рос. энцикл., 1998. - 28-29 с.
50. Новиков, Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия [Текст] / Л.А. Новиков // Рус. яз. в школе. -1966.- № 4. – 79-87 с.
51. Новиков, Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие [Текст]/ Л.А. Новиков - М.: Высш. шк., 1982. - 272 с.
52. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – 4-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «ЭЛПИС», 2005. – 944 с.

53. Плаксина, Е.Б. Антитеза в заголовках статей российской и французской прессы: дисс. ... канд. филол. наук / Е.Б. Плаксина. – Екатеринбург, 2007. – 186 с.
54. Рогозина, И.В. Функции и свойства медиатекста как гетерогенной когнитивной структуры [Текст] / И.В. Рогозина // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография. – Орел: Горизонт, 2010. - 119-127 с.
55. Рождественский, Ю.В. Введение в общую филологию [Текст] / Ю.В. Рождественский. – М.: Высш. шк., 1979. – 224 с.
56. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст]/ Э.Д. Розенталь, М.А. Теленкова. – М., 1976.
57. Слободяник, Н.Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма [Текст]/ Н.Б. Слободяник // Политическая лингвистика. – Вып. 2 (22). – Екатеринбург, 2007. – С. 60-67
58. Словарь иностранных слов: свыше 21 000 слов [Текст]/ под ред. Бурцевой В.В., Семеновой Н.М. – 5-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2008.- 817 с.
59. Современный медиатекст: учеб. пособие [Текст]/ под ред. Н. А. Кузьминой. – Омск: изд-во ФГБОУ ВПО Омский Гос. универ. им. Ф.М. Достоевского, 2011. – 414 с.
60. Соколова, Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования [Текст]/ Н.Л. Соколова // НДВШ. Филол. науки. - М., 1977. - № 6. – 60-70 с.
61. Солганик, Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» [Текст] / Г.Я. Солганик // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. – 2005. - № 2. – 7-15 с.
62. Солганик, Г.Я. Основы лингвистики речи [Текст] / Г.Я. Солганик. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2005.– 128 с.

63. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского - М.: Престиж, 2005 г.
64. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст]/ Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
65. Стернин, И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста / И.А. Стернин // Методическое пособие. - Воронеж: «Гарант», 2010. - 20 с.
66. Стернин, И. А. Некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации оскорбления (ст. 297, 319 УК РФ) [текст]/ под ред. И.А. Стернина, С. Калинкина // Уголовное право. – М.: Флинта, 2011. – 45-51 с.
67. Стернин, И.А., Саломатина, М.С. Семантический анализ слова в контексте [Текст] / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. - Воронеж: «Истоки», 2011. - 150 с.
68. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. - М.: Галерея, 2002-2003.
69. Толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. Д.Н. Ушакова. – перераб. изд. – М.: Стандарт, 2015. – 848 с.
70. Унукович, В.В. Языковые средства выражения противоположности в контексте (на материале адъективных номинаций современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В.В. Унукович. - Киев, 1986. - 165 с.
71. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических ед. [Текст] / А.И.Федоров. – 3-е изд. испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
72. Федотова, Л.Н. Социология массовой коммуникации: учеб. для вузов. [Текст] / Л.Н. Федотова. – СПб.: Питер, 2004. – 397 с.

73. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык. Лексика. [Текст] / Д.Н. Шмелев. - М.: Просвещение, 1977. - 335 с.
74. Щелкунова, Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование [Текст] / Е.С. Щелкунова. – Воронеж: ВГУ, 2004 – 194 с.
75. Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов [Текст] / под ред. М.Н. Володиной. - М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. - 760 с.
76. Экстремистский текст и деструктивная личность: монография [Текст] / Ю.А. Антонова и др. – Екатеринбург: Изд –во УГПУ, 2014. – 276 с.

Интернет-ресурсы

77. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь [Текст]/ А. Али-заде. – М.: Ансар, 2007. – с. 400. - [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://slovar-islam.ru/books/k.html> (Дата обращения: 24.05.2017)
78. Бо, Я. Функции антонимии в художественной и научной речи: на материале поэзии В.Я. Брюсова и научных сочинений Л.В.Щербы: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Я. Бо. - М., 2004. - 20 с.- режим доступа: <http://cheloveknauka.com/funktsii-antonimii-v-hudozhestvennoy-i-nauchnoy-rechi> (Дата обращения: 17. 04. 2017)
79. Балясникова, О. В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дисс. канд. фил. наук : 10.02.19. [Текст]/ О.В. Балясникова - Москва, 2003. - 224 с. - режим доступа: <http://search.rsl.ru/ru/record/01002338596>
80. Боева, Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Н.Б. Боева. - М., 2001. - 367 с. - режим доступа: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/grammaticheskaja-antonimija-v-sovremennom-anglijskom-jazyke.html>

81. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: 2008, - с. 203 – [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/> (дата обращения: 7.05.2017)
82. Казак, М.Ю. Специфика современного медиатекста / Современный дискурс-анализ – Выпуск 6. – 2012. – с. 320-334 - [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml> (дата обращения: 4.05.2017)
83. Киселева, С. В. Очерки по когнитивной теории концептуальной метафоры / С. В. Киселева. – режим доступа: http://www.hse.ru/data/2013/03/05/1292935303/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_2012_%D0%98%D0%92%D0%AD%D0%A1%D0%AD%D0%9F.pdf
84. Кузнецова, А.С., Николаева А.С. Текстовая антонимия в эпидигматической системе языка Г.Барнаул Международный научный журнал «Инновационная наука» №3-2 2017 режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/tekstovaya-antonimiya-v-epidigmaticheskoy-sisteme-yazyka>
85. Пеньковский, А.Б. Очерки по русской семантике [текст]/ Пеньковский А.Б. – М.: Языки славянской культуры, 2004. - режим доступа: <http://readli.net/ocherki-po-russkoj-semanticke/> (Дата обращения: 17. 04. 2017)
86. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп./ Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004. — 328 с. — режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/public/guild/3.pdf> (Дата обращения: 15.09.2016)
87. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста/ под ред. Стернина И.А., Антоновой Л.Г., Карпова Д.Л., Шамановой М.В. – Ярославль, 2013. – 35 с. – режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/public/guild/9.pdf> (Дата обращения: 15.09.2016)

88. Агаджанян, Р.В. Риторические приемы суггестивного воздействия в материалах разных дискурсивных практик/ Р.В. Агаджанян. – режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25330/1/avfn_2013_49.pdf (Дата обращения: 18.05.2017)

89. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: Монография / Е.В. Шелестюк. Челябин. гос. ун-т. - Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. - 232 с. – режим доступа: http://dibase.ru/article/27042009_shelestukev (Дата обращения: 18.05.2017)